

**НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

КУРТ ЭЙСНЕР

**ИСПЫТАНИЕ
БОГОВ**

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

40345/110

1925

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Э 33

КУРТ ЭЙСНЕР

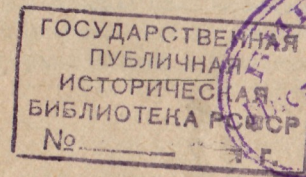
KURT EISNER

84-2

ИСПЫТАНИЕ БОГОВ

Перевод С. С. ЗАЯИЦКОГО и В. Э. МОРИЦА

Предисловие А. П. ПИНКЕВИЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—МСМХХIV—ЛЕНИНГРАД

Отпечатано 3150 экз.
в тип. „Коминтерна“
Из-ва Красная Новь.
Гиб. № 5171
Ленинградский
Гублит 815
Ленинград.

ИСПЫТАНИЕ БОГОВ

DIE GÖTTERPRÜFUNG

Политический фарс
в 5-ти действиях
с междуактной пантомимой

Начато: весной 1898 в карательной тюрьме
у Плецензе близ Берлина
Окончено: в феврале—марте 1918 в следственной
тюрьме Нейдек в Мюнхене

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курт Эйсер родился 14 мая 1867 года. Убит черносотенным студентом графом Арко 12 февраля 1919 г. Выходец из буржуазной семьи. Окончил гимназию и университет. Рано начал работать в газетах, в частности во Frankfurter Zeitung. В политике примкнул к национал-социалистам (группа Наумана), но уже в конце девяностых годов переходит в ряды немецкой социал-демократии и очень скоро избирается одним из редакторов Центрального Органа. В 1905 г. выходит из редакции и продолжает литературствовать. В начале войны он вместе с большинством социал-демократии — на оборонческой позиции, к концу — член независимой с.-д. партии. В январе 1918 года активно выступает противником военной политики Германии и за речь с призывом к миру и стачке попадает в тюрьму. В революционные дни того же года освобожден из тюрьмы и очень скоро становится популярным вождем мюнхенских рабочих, а в момент переворота играет исключительно важную роль, как председатель и министр иностранных дел временного правительства.

Такова краткая биография Эйснера. Его литературный путь журналиста и художника не менее интересен. Сотрудник социалистических и буржуазных газет, автор ряда бел-

летристических произведений на социальные темы, член редакции руководящего органа крупнейшей социал-демократической партии мира, плохой марксист, но живой и остроумный писатель—все это вместе рисует нам типичного интеллигента-романтика, талантливого «попутчика», в моменты подъема революции умеющего сплотить вокруг себя широкие круги революционного пролетариата, но вряд ли способного к последовательному и твердому проведению настоящей пролетарской политики.

Что наше последнее утверждение правильно, лучше всего доказывает рассмотрение печатаемого ниже произведения. В нем много революционного, вернее, бунтарского пыла, много ненависти и презрения к «тиранам» и коронованным недорослям, но нет отчетливого выявления классовых идеалов трудящихся,—пусть в той же условной и слегка гротескной форме, в которой дана вся пьеса. Нет сомнений, что «политический фарс» навеян событиями современности, вернее, все его «задание»—в современности. Разве не современно было в Германии это изображение (изображение карикатурное) ограниченного и тупого монарха, которого только потому не признают ничтожеством, что на нем корона? Разве не современно юмористическое изображение начала войны, которая начинается, чтобы отвлечь внимание народа от того же самого короля, который даже толком не знает, кому нужно объявить войну? Во всем этом чувствуется стремление заклеить в карикатурной форме Вильгельма и войну, им начатую.

Если произведение Эйснера ценно, как сатира на абсолютизм и буржуазию, то оно, с нашей точки зрения, не вполне удачно в части положительной. Что противопоставляется Эйснером старому миру?—Не народ, не массы, организованные в мощную силу и сметающие старое, строящие новое. Нет, это «герой» Гульдар, который весь овеян мистическим флером. Рассуждения этого героя о том, что он любит «страстно то, что далеко от этих дней и от таких людей», что «в наших душах боги есть»... «таким богам смиренно

воздвигайте в себе алтарь и поклоняйтесь им»—странно звучат в устах революционера и борца. Это идеалистическое изображение «нового» мира, эта мистика, которая нет-нет, да и скажется в том или другом месте пьесы, требуют критического отношения к философии самого автора и к положительной тенденции его произведения.

Пьеса ценна, как «человеческий документ», рисующий нам незаурядного борца и революционера, до поры до времени самоотверженно идущего вместе с пролетариатом на штурм абсолютистских крепостей, но не могущего отрешиться от своей индивидуалистической и метафизической идеологии. Пьеса ценна и тем сатирически-карикатурным изображением абсолютизма, которое во многих ее местах сделано ярко и почти «экспрессионистически» остро, порою даже трагично. Если к этому добавить, что в ней много образов, язык выразителен, стиль изящен, то станет ясным, почему, несмотря на многие ее недостатки, она вполне заслуживает быть предложенной нашему читателю.

А. П. Пинкевич

ОТ АВТОРА

Тесно замкнутый в себе мир, который серьезно воспринят и серьезно изображен со всех сторон, не исключая комической, рассмотренный сам по себе, производит впечатление фарса или шутки. Трагедия в сознании и форме действующих, оцененная с исторически-мировой точки зрения, превращается в комедию. Так разрушается мир, ибо будущее смеется над ним, в то время как сам он плачет. Комизм, это — засохшая слеза. Но над печалью прошлого и над смехом сегодняшнего (а может быть, только завтрашнего дня) сияет связующий и озаряющий все вечный дух освобождающего будущего, подобно тому, как в первобытных отношениях этого вымышленного сказания уже сквозит первооснова развитых и запутанных взаимодействий поздних времен, повторяющих одно и то же.

Курт Эйснер

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Принц Агаб, позднее Агаб О (Нулевой), король Фаруна.
Ведающий умственным развитием, Наставник, позднее Канцлер.
Ведающий рождениями.
Ведающий вооруженными силами.
Ведающий стражей.
Ведающий войнами.
Ведающий охотой.
Ведающий гардеробом.
Паж, разглаживающий морщины на челе.
Верховный мудрец.
Варана, его дочь.
Гульдар, ее возлюбленный.
Совет шести мудрецов.
Хельга, девушка.
Беременная женщина.
Одержимая (танцовщица).
Шесть старых женщин.
Вестник смерти.
Первый усмиритель народа.
Второй усмиритель народа.
Третий усмиритель народа.
Первый страж.

Второй страж.
Мумия войны.

Девушки и юноши. Тени и призраки. Голоса из
толпы. Народ. Телохранители. Палачи.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ:

Остров среди мирового океана.

ВРЕМЯ:

В с е г д а.

Лица междуактной пантомимы (между 4-м и 5-м дей-
ствиями):

Король.
Капельмейстер.
Танцовщица.
Музыканты.
Темная Толпа.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Языческий храм, мрачный и фантастический, клиновидный, суживающийся в глубину, где на высоком пьедестале, к которому ведут ступени из красного камня, сидит бог—могучий Тигр, готовый прыгнуть, с широко открытой пастью, как бы рычащий, опирающийся правой переднею лапою на груды человеческих черепов. Слабый зеленоватый свет окружает изображение бога. Глаза сверкают и переливаются.

ПЕРВАЯ СЦЕНА

При поднятии занавеса слева виден хор юношей, справа хор девушек; посредине, в свободном пространстве, стоит Мумия войны — возвышающийся над всеми древний худой человек, вооруженный с ног до головы, голый череп которого как будто застыл в величайшем напряжении военного бешенства и ужаса. Он стоит совершенно неподвижно, как мертвый, с натянутым луком, направляя стрелу в толпу. Некоторые девушки подходят к мумии и кладут плоды между автоматически раскрывающимися и закрывающимися челюстями. — Сначала слышно молитвенное пение, в котором отдельных слов разобрать нельзя. Затем выделяется хор юношей — торжественная ритмическая декламация.

Хор юношей.

Ты — что во мгле ночной
Мчишься вокруг земли,
Из нечестивых тел
Вырываешь сердца

И текущую кровь
Жадно пьешь из жил,
Взором гневных очей
Зажигаешь пожары
В домах безбожников
И черепа недостойных
Терзаешь лапой;
Топчешь поля,
И ужасным криком
Цепенишь тела
И мыслящий дух;
Ты, что свою благодать
Опять приносишь,
Когда на короткий вздох
Свернешься, покоясь,
Так что посевы
Дают побеги,
Тварь оживает,
Светлеют и ширятся души,
И сердца обретают друг друга,
В сне любви бездыханном
Мечтая, —
Царь богов,
Пошли разумение принцу.

Хор девушек.

Ты — что обвил сердца
Бездыханным сном,
Их для любви вербуя;
Украшаешь ланиты
И страстный лобзаний бег
В узких стенах уст
В заточении держишь;
Нежному дал расти побегу,
Невинному,

Верному, будто невеста,
Святому желанью,
Средь радостных мук
Из таящего лона
В лучистый день;
Ты — что в гневном своем
Ныне безжалостно
Дал нам морщины;
Пламя в сухом раздуваешь сердце,
Не давая однако
Нам утоленья;
Чтоб мы, несчастные,
Чахли в тоске,
Без ласк и детей, плетясь
К молчаливым истокам,
Томимые жаждой
Смертельной, —
Царь богов,
Пошли разумение принцу.

Хор девушек и юношей.

Прежде чем жить начать,
Мы должны тропой
В молчаливую бездну —
Горе — томимые жаждой,
В вечный сойти поток!
Прочь отброшены мы
Из дыханья жизни,
Что кругом обвеяла землю,
Силы плетущую!
Тот лишь, в ком юность живая
Из крови воспрянет,
Тот дышит
Среди смен бытия
Во все века...

Но бесплодному дереву
Роком дано «ничто»,
Смерть и забвенье;
Мы невинны, грешили не зная,
Тяжело осужденье,
Что обрекает
Нас на веки
Жить в темноте!
Так рок нам грозит, коль не дашь
Отдохнуть ты могучему телу
В пышной и сладостной роще
Чертога, —
Царь богов,
Пошли разумение принцу!

(Молитва переходит в однообразное тихое бормотание, которое продолжается еще и в начале следующей сцены. Затем хоры образуют движущийся фон, сливаясь и разделяясь).

ВТОРАЯ СЦЕНА

Принц и Наставник входят в храм из бокового входа.

Принц

(заметив Мумию войны, с испугом).

Кто этот великан? В меня он целит!..

Наставник

(усмехаясь).

Паяц? Он целит, да, но не стреляет.
Любимый памятник минувших лет!
Давно, давно он юным был, храбрейший
Из воинов великого царя!

Принц.

Как выросло из ничего величье?

Наставник.

Его расти другие заставляли.

Принц.

Война! О, слово страшное! — Когда
Нужна она?

Наставник.

Великий царь решает!

Принц

(беспомощно).

Приняв решение, не найду решения!
Как звать к войне — когда никто не слышит?

Наставник.

Услышат —

Принц.

Да, но не пойдут, конечно.

Наставник.

Пойдут, и слепо...

Принц.

Языком одним
Я много тысяч кулаков подвигну?
Они сильнее, чем жалкий мой язык!

Наставник

(тучный, в отчаянии потеет).

Как научить его? Пойми же, принц:
Те тысячи не знают сил своих.
Войну рождает чудо укрощенья.

Принц.

И этот воин тоже шел на зов?

Наставник.

Да, ежедневно сотни повергал он,
Доволен, весел, горд и знаменит!
Случилось раз (гласит глупцов поверье)
Невиданное чудо: вдруг с небес
Пред ним рука незримая взмахнула
Секирою, огромной как гора;
Он повернулся, в бешенстве и страхе
Свою стрелу в Незримое направил —
И замер вдруг в кровавом опьяненьи —
Не умирал, не убивал, не падал.
Его сюда поставили, чтоб бог
Ему дал исцеленье... Впрочем, тот
Не исцелил его: иль раб войны
Неисцелим, иль бог, печась о мире,
Не поспевает исцелять людишек!
Так он стоит, никем не уносимый,
В кровавом бешенстве оцепенев.
Он умереть не может! Говорят,
Убил он столько, что теперь все жизни
Прожить он обречен, прожить все годы,
Что сократил когда-то он; однако
Чтоб он, бессмертным будучи, не умер
От голода, ему кидают в пасть
Орехи и плоды, и он их гложет!

Принц.

Как это страшно...

(Мечтательно, полный предчувствий).

Пусть не умирает!

(Он с дрожью кладет мумии в рот орех).

Наставник.

Герой не молится

(указывая на толпу),

как те!

(Бормотание молящихся становится громче).

Принц.

О чем

Те люди молятся?

Наставник.

Все о тебе!

Чтоб боги твой рассудок просветили,
Чтоб мысли он рождал без затрудненья!

Принц

(в замешательстве, с закрытыми глазами, словно декламируя)

На небесах семьсот пятнадцать звезд,
От севера они несутся к югу,
Вертись, вертись, — всегда вертись...

Наставник.

Мой принц,

Проснись, ты говоришь средь бела дня,
Как сном объятый!

Принц

(со стоном).

Все опять забыл я!

Ты мне сказал, что молятся они
За бедного меня?

(Тронутый).

Постигну ль знание?

Наставник.

Кровь наших предков древняя, седая,
Ценнее без сравненья всякой красной,
Устала, благородна, но сонлива.

(Про себя).

Проснувшись, станет бешеной она.

Принц.

Когда бы сам я не был царской крови...

Наставник.

Ты был бы чернью, влюбчивый, как эта,
И должен был бы страсть смирять, покуда
Глупцом не стал бы, так как принц другой
Все ж был бы глуп, рожденью вопреки!
Премудрость Тигра все в себе вмещает!
Будь рад, что не другой, а сам ты—принц!

Принц.

Ах, лишь бы цель закона мне постигнуть!

Наставник.

Ты мудрости той смуты не постиг,
Которая доказывает нам,
Как божества пекутся о Фаруне?
Оттачивают боги остроумье
О нашу землю и полны любовью.
Ее в знак милости своей связуют
Они с узлом неразрешимых тайн!
«Отныне пусть в стране не будет браков»,
В день смерти короля изрек оракул!
Когда ж народ ребят рожать посмеет?
Когда в Фаруне будет вновь король!
Решенье ясно!

Принц.

Будь отец мой жив,
Я был бы счастлив и народ мой тоже!

Наставник.

Так молится не только добрый сын!
Народ желает страстно вечной жизни
Владыке своему на все века!
Да! Ни один народ не охраняет
Так бережно владыку своего,
Как наш! Пока он жив, они имеют
Правителя, который все же лучше,
Чем никакой, хотя, быть может, хуже
Нельзя найти. Другие племена
Не то, что наше, и бывают рады
Внезапной смене власти,—ждут они,
Что новый князь им даст освобожденье
От древних зол! И часто в нетерпенье,
Чтоб сел другой на трон, они ускорить
Хотят искусственно судьбы решение!
Мертвец остыть едва успел, уже
На трон восходит сын, перворожденный
От чресл отца, и, может быть, при этом
Глупец подчас восходит на престол!
В стране у нас царит обычай мудрый—
Слепая кровь случайно не решает:
Принц должен быть испытан мудрецами!..

Принц.

Прошу тебя, не говори об этом!

Наставник.

... Испытан мудрецами, чтоб узнать,
Достоин ли он управлять страной.
Коль принц не выдержит...

Принц
(Стеная).

Как может он?

Наставник.

Он будет принцем год еще, чтоб снова...

Принц.

Не выдержать...

Наставник.

... чтоб снова седовласым

Открыть себя. Пока они в сомненьи,
Он остается принцем, трон пустует,
А весь народ томится в ожидании
И подавляет то, что ждет природа,
Как радостную дань от двух полов.

Хор девушек.

Ты, что в гневе своем
Ныне безжалостно
Дал нам морщины;
Пламя в сухом раздуваешь сердце,
Не давая однако
Нам утоленья;
Чтоб мы, несчастные,
Чахли в тоске,
Без ласк и детей, плетясь
К молчаливым истокам,
Томимые жаждой
Смертельной —
Царь богов,
Пошли разумение принцу.

Наставник.

Ты слышишь, принц, детей несчастных, нежных?

Принц.

Я ль виноват? Противится мне Тигр!

Наставник.

Сверхчувственных не задавай вопросов!
Признайся по земному лишь в одном:
Нет у тебя желания усердно
В науках упражняться. Ты охотник,
Ты любишь платье пышное, гордишься
Своим желудком, лучшим в целом мире!
Но, принц, твой гений слаб, иначе, право,
Я б не трудился долго и напрасно,
На нем свое искусство изошряя,
Чтоб к испытанию ты был готов!
Его уже не выдержал ты дважды,
Замкнется скоро круг второго года,
И вот, с тех пор, как умер твой отец,
Огней венчальных не было в Фаруне!

Хор юношей и девушек.

Прочь отброшены мы
Из дыханья жизни,
Что кругом обвеяла землю,
Силы плетущую!
Тот лишь, в ком юность живая
Из крови воспрянет,
Тот дышит
Среди смен бытия
Во все века,
Но бесплодному древу
Роком дано «ничто»,
Смерть и забвенье!

Принц

(вздвигнув).

О песня мрачная...

Наставник.

... в твоей душе!

Теперь ты в третий раз собираешь силы,
Хотя, боюсь, опять ты не созрел!

Принц.

Начну молиться набожно, как эти.

Наставник.

Как хочешь, принц, испробуй в этом счастье,
Хоть суеверие твое мне горько!
Оно прилично черни, как узда...
Молиться зверю! Если б под хвостом
Ему повесили корону мира,
То и тогда б народ ему молился!

Принц.

Ты милость Тигра отворишь хуленьем!

Наставник.

Жаль, что доньне женщина тебя
Не привлекла, твой дух не окрылила!
Бесстрастен ты, — от этого не можешь
Молиться ты, как эти пискуны.
Юнцов и девушек толкает страсть
Склоняться перед этим мощным Тигром.
Не шутка, плоти зов из года в год
Удерживать и голодом томиться,
Ничем не заливая жаркий пыл!
Принудит он молиться и просить,
Пока твое плетется бормотанье!

Принц.

Без страсти к женщине начну молиться!
Иду!

(Хочет подойти к Тигру).

Наставник

(про себя).

Ужель никак нельзя в нем кровь
Разжечь?

(Громко).

Принц, ты еще не полномочен,
Чтоб здесь молиться!

Принц.

Как не полномочен?

Наставник.

Не приносил ты жертвенного дара!

Принц.

Что принести?

Наставник.

Лишь капельку из капель!

Эй, девушки, молиться хочет принц.

(Девушки обступают их с живым любопытством).

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Девушки.

О принц, привет тебе! Премудрым стань!
Учитель, помоги освободить нас!

Наставник.

Вы, девушки, благословите ныне
Закон божественный, что раздувает
Любовь, и чувства греет, и в крови
Растит цветы, горящие вулканом!
Вы скоро выпьете с излишком то,
Чего засохший жаждет рот,—испивши,

Вы ошутите пустоту кругом!
Потом вы жажду утолять начнете
Лишь по привычке, бурю позабыв,
В единый вздох сливавшую желанья!
Итак, полезно жажду возбуждать,
Хотя лишь раз дано ей утоление.
Лишь тайна возбуждает любопытство.
Когда загадку разгадали вы,
То чудо сходит на землю, и травы
И клубни на полях растит прилежно,
Но чудо, о котором трепеща
Мечтали вы, для вас исчезло... Бог
Взамен его любовное искусство
И счастье истинное вам дает:
Возлюбленного тело познавать
В ночных мечтах и уст его горячность
С любовью чуют, силу стройных рук
Ценить. Неизмеримо красота
Тогда растет! Тогда людская смертность,
Что создана лишь для пищеваренья,
Освободясь от плоти, станет—богом.
Но грезить вы забудете! Стеная
От вожделенья, плоть обняв мужскую,
Увидите вы, вместо красоты,
На теле отвратительные пятна,
Щетину, волдыри, подушку мышц
Бесформенную, жирную, а губы
Пахнут на вас прожеванною пищей!
И это на земле зовут Любовью.
В мечтах лобзанье—пыл, на деле—слиюни!
Издалека — душа, в объятьях — зверь!
Уста, многоречивые недавно,
Молчат в тоске, зевают иль бранятся!
Вы, девушки, царя богов-молите,
Чтоб милостиво в этот раз опять

Он разум принца ослепил, чтоб снова
Миг роковой он отдалил от вас.

(Страстно обнимает одну из девушек).

Девушка.

Однако сам не хочешь ты томиться.

Наставник.

Томление мне боги запретили.
Лишь я здесь смею наслаждаться тем,
Чего утратить не могу!

Девушка.

Один

И наслаждайся! Я могу утратить!

(Она ускользает от него).

Наставник

(про себя).

Чувствительно проучен! Если буду
Я королевским канцлером, придется
Им остроумье обуздать свое!

Девушки.

О принц, привет тебе, премудрым стань,
Не дай нам умереть в томленье страстном!

Принц.

Благодарю, о добрые, боюсь,
Одно желанье ваше не поможет!

Наставник

(гневно шепчет ему на ухо).

О принц, когда научишься держаться
Ты, как прилично князю, и усвоишь
Язык царей!

Принц
(смиренно).

Что должен я сказать?

Наставник

(величественно, патетически-карикатурно девушкам).

Народ любезный, твердо уповай
На милость принца и на суд богов,
Они сумеют защитить тебя
И дни твои грядущие направят!
Но ныне нужны принцу не желанья!
Он жертвы требует от вас для вас!

Первая девушка.

Принц, наше все—твое, лишь повели!

Вторая девушка.

На край земли, где скалы и утесы
Уступами нисходят в глубь пучины,
Пойти готова я, коль ты прикажешь
Мне плод сорвать, над бездною растущий!

Хельга.

Тебе, о принц, отдам охотно душу;
Я не люблю, ах! как другие все,
Чужое в жертву приносить, свое же
Хранить для мужа! Я свое отдам!

Наставник.

Дитя, души твоей не нужно принцу!
Твоя душа не мудрости ларец,
То было б для нее и плохо. Мы
Не близких душ и не плодов далеких
Хотим, но... крови... вашей...

Девушки
(отступая в испуге).
Жизнь оставь нам.

Принц
(дрожа, тихо).

Ты страшное задумал; не хочу.

Наставник.

О нежные, вы испугались жертвы!
Собой должна одна лишь добровольно
Пожертвовать, чтобы молитва принца
Была услышана! Так кто ж решится?

Принц
(тихо, твердо).

Я не согласен! Крови не хочу!

Хельга

(колеблясь, с робкой решительностью).

Возьми меня ты в жертву, принц! Охотно
На смерть пойду я, чтоб другие жили!

(Содрогаясь).

Твоя мне благодарность будет платой.

Наставник
(смеясь).

И благодарности не стоит то,
Что принесешь ты в жертву: капля крови!

Первая девушка.

Коль ты боишься, Хельга, я готова.

Вторая девушка.

Любую муку я перенесу.

Наставник.

Одна лишь капля крови! Вы, девицы,
Ее отдав, останетесь, чем были!
Не стоит говорить об этой боли.
Готовься, Хельга!

Хельга.

Что должна я делать?

Наставник.

Что требует закон!

(Он срывает с груди Хельги розу, затем церемонно и важно принцу).

Взяв этой розы

Колючий стебель, с силой по устам
Ты этой девушки ударь шипами;
Когда же на устах слезинка крови
Блеснет (поверь, дитя, что боль ничтожна),
Тогданими своим ты ртом ее
И бережно ее ты отнеси,
Как дар, легко полученный, на лапу
Могучего царя вселенной—Тигра.
Решишься на жертву, девушка! Он примет.
Твой дар!

(Дает ему розу).

Взмахни рукой сильнее, принц!

(Принц медлит, в то время как Хельга стоит перед ним, полная ожидания. Когда Наставник повторяет повелительное движение, принц наконец поднимает руку для удара. В это мгновение Гульдар, который только что войдя в храм, наблюдал эту сцену, бросается так внезапно между ними, что принц испуганно снова опускает руку).

Гульдар.

Что значат эти шуточки, принц?

Наставник.

Уйди!

Тебя не звали. Ты позоришь храм!
Закон ты нарушаешь!..

Гульдар.

Он велит,

Насколько помню я, чтоб не касался
Никто, кто б ни был он, до тела женщин,
Их и свою невинность охраняя,
Пока ты испытанья, принц...

Принц

(сраженный).

Я знаю...

Наставник.

Меня ты вздумал обучать законам?
Я сердце бога принесу сейчас!

(В то время, как моление снова нарастает, он идет к Тигру открывает отверстие в его животе, вынимает свиток и торжественно приносит его. Он разворачивает свиток и показывает пальцем Гульдару на одно место).

Для чтенья есть глаза? Доступна мудрость
Задору твоему?

Гульдар

(бегло взглянув).

Но эти знаки

Запутаны и древни... Непонятны!

Наставник.

Ученый понимает! Объясню!
Внимайте слову каждому прилежно!

(Делает вид, что переводит текст).

«Пусть будет так навеки: смерть постигнет
Мужчин и женщин, что влекомы страстью,
Соединятся прежде, чем король
Премудрый не взойдет на трон Фаруна!
Лишь тот, кого корона ждет, тот может
До срока в виде жертвы добровольной
Принять от девы каплю крови, чтобы
Ее отдать, как дар, царю богов».
Писанье учит так. Таков закон...
Принц, жертву принеси! Тигр полон жажды!
(Принц неловко ударяет по устам Хельги, неуклюже сцеловывает кровь и сонно, неохотно идет к Тигру).

Хельга

(в мечтательном восхищении).

Принц целовал меня...

Наставник

(про себя).

Проклятье! Жертва

Не удалась! Не вспыхнул взор его.

Его уста бывают веселее,

Касаясь края кубка на пиру!

Идет он равнодушно на молитву!

(Внимательно смотря на Хельгу).

А здесь пылает жертвенный огонь!

Хельга.

Сердечно я прошу тебя, наставь

Ты принца в знаньи, коим сам владеешь!

Наставник.

Ведь ты, мое сокровище, сказала,
Что молишься ты вовсе не от страсти,
Что свежий мальчик не влечет тебя.

Хельга.

Все это так... Но сестры, глянь, томятся...
К тому же...

(Колеблясь).

Бедный принц! Он смеет тоже
Любовь познать, лишь ставши королем!

Наставник

(тихо).

Вот хитрое участие, но оно
Мне на руку! Не нужно медлить! Пыл,
Боюсь, поглотит и богов, и нас!

Принц

(на коленях перед Тигром бормочет, молясь).

Бог, просвети меня,

Ты просвети мой ум,

Он узок, слаб, тяжел.

Твоих щедрот

Уже два раза

Я лишился!

Ах, твой закон велит,

Чтоб с каждой неудачей

Бедней я становился,

А испытанье строже.

Боюсь я нищим стать,

Забочусь в страхе,

Чтоб двух ягнят лишь

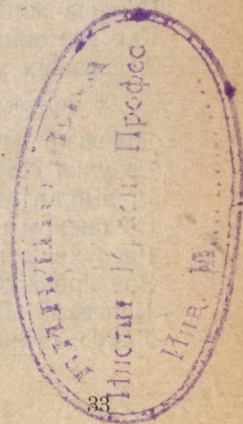
Жарили к столу мне!

Богатство тает!

О царь богов, дай знанья мне!

Коль в милости откажешь,

То станут вновь трудней

Вопросы, разрешить
Которых ум не в силах;
Алкать я буду,
Полон жажды,
Нищ и наг.
Дай силы мне!
Дай силы мне!
Дай силы мне!

Хор девушек и юношей

(в отчаянии выкрикивает).

Дай сил ему!

(Наставник следует за принцем, кладет священный свиток в живог Тигра и молится, бормоча с напыщенными телодвижениями, перед истуканом. Затем оба оставляют храм).

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА

Гульдар

(гневно глядя вслед Наставнику).

Вот жирный дух! Он ожиряет все,
И наша жизнь легко скользит в ничто,
Как всосанная жаждущей землею!
А с ваших уст течет елей молитв!

(С внезапной решимостью подходя к юношам).

Довольно петь и бормотать. Порвите
Безумья сеть, что сами вы сплели,
И, выпрыгнув из тупости закона,
Со смехом киньтесь на тела девицы,
Распухшие и томные от страсти...
Зов крови девы тщетно заглушают
Напевами! Берите их! И мир,
Ликуя, станет водометом страсти!

Первый юноша.

Хулитель, не давай советов ложных,—
Зачать не смеет ни одна жена,
Пока никто не царствует, и, значит,
Никто не охраняет плод во чреве
Любодеяние свершивших женщин!

Гульдар.

Когда б ваш дух таким же был, как руки:
Неустрашим и полон юных сил,
Вы б приносили жертвы не кумиру,
А женщинам... Наступят чары ночи,
Исполненные лунной благодати...
Решитесь на утечи, увлеките
Вы в рощи их на лиственные ложа,
В сердцах у вас пусть соловьи поют
Мечтательные песни вечной страсти —
А Тигр пусть сам себя боготворит.

Второй юноша.

Безумный! Божий гнев ты пробуждаешь.
За ночь хмельную нам платить придется,
И утро озарит дрожащим светом
Истерзанные трупы — дело Тигра —
И грешникам поведает о мщеньи!
Не трогай бога! Мы живем лишь раз!

Гульдар.

Живем мы только раз — слова пустые,
И в то же время мудрые глубоко,
Коль правильно понять: «живем лишь раз».
Лишь раз, когда в одном круговороте
Все наши чаянья, желанья наши,
Исполнившись, стремятся в мрак забвенья,

Одним лучом и жизнь, и смерть объяв.
Живем мы раз! Как сказочный цветок,
Который только раз в тысячелетье
В сиянии лунной летней ночи вдруг
Из моря возникает, распуская
В серебряной лазури лепестки!
В волшебной чашечке он жизни душу
В одну лишь ночь до пресыщенья пьет
И благодарно, тихо в час восхода
Склоняет холодеющее тело!
Живем мы раз! Хваленье богу страсти,
Коль после этой ночи выпивает
Он нашу кровь, дав насладиться ей.

Третий юноша.

Но кто тебе сказал, Гульдар, что боги
Дадут свершиться этим преступленьям?
Что после первых же лобзаний Тигр
Своим прыжком не разорвет объятий?

Гульдар.

В природе нет камней, могущих прыгать!
Летают боги, если их бросают!
Клянусь, того, кто здесь лежит и дремлет,
Не могут оживить лобзанья ваши.
О камень вы не разобьетесь и
Вы спросите себя, пожалуй, часто,—
Нельзя ли жизнь, что лишь на раз дана,
На самом деле повторять бесстрашно?

Первый юноша.

О бог, не покарай нас за того,
Кому безумье разум ослепило!
Тебя хулит он, мучимый тобою,
Надеясь так смягчить свои страдания.

Гульдар.

Я мучусь! Нет, я не страшусь веселья!
Я счастья добьюсь — сегодня ночью.

Второй юноша.

И если б сами мы все то, что свято
С начала мира, осмеяли ныне
И дерзко все веления богов
Попрали, как червей земных — поверь:
Все женщины привыкли к благочестью,
Они на зов не выйдут, хоть взывает
Во сне к супругу теплое их лоно!
В своей уверен ты, что за тобой
Она пойдет в пучину смерти, чтобы
Греху предаться и любви запретной?

Гульдар.

Она не молится, не кланчит, верьте.

Третий юноша.

Смотри: она идет с мольбой смиренной.

ПЯТАЯ СЦЕНА

Варана входит в храм со своим отцом, верховным мудрецом.

Варана.

Отец, прерви мучение народа!
Не задавай вопросов трудных принцу.
Он будет царствовать, а править ты!
Вот истинный король для власти мудрых.
Он славный парень и едок хороший,
Свое привычное к охоте тело
Он любит одевать в наряд роскошный.
Иметь он будет королевский вид,

Собой невинно станет он гордиться
И будет рад, коль будешь править ты,
И лишь для подписей его тревожить.
Что может быть отрадней для народа,
Коль мудрость без короны тайно правит,
Король же нужен только на монетах!

Верховный мудрец.

Кем внушены, о дочь, насмешки эти?
Кто научил тебя хулить богов?
Нам велено испытывать сурово,
Чтоб был король,—не видимость пустая!

(Совет шести мудрецов торжественно входит в храм).

Девушки

(обступая их).

Свою вы мудрость передайте принцу!

Совет шести мудрецов

(строго, непреклонно).

Закона откровенье мы храним!

Девушки

(горестно).

Горе! Горе!
Чахнем в тоске
Без ласк и детей,
Идем по тропе
К молчаливым истокам водным,
Томимые жаждой
Смертельной.

Совет шести мудрецов.

Закона откровенье мы храним!

Верховный мудрец

(Варане).

Молись!

Варана.

Молиться? Помогать хочу я!

(Она стоит упрямо, в то время как все другие преклоняют головы).

Гульдар.

Она не молится, она не кланится.

(Он подходит к ней и увлекает ее в нишу, в то время как другие благочестиво бормочут молитвы; тихо, задыхаясь от страсти).

В челне сегодня ночью. О Варана,
Уйди из тесной комнаты тюремной!
Дрожа, в твоих ушах, как и в моих,
Песнь голубей звучит; ее, смеясь,
Из ничего молчанье сотворило.
В челне сегодня ночью. О Варана,
Дыши свободно. Песня голубей
В ушах смолкает. Тихо по теченью
Скользит ладья. Прижалась ты ко мне.
В заливе тихом отдохнет наш челн.
Там манит ложе мягкое из мха
Среди густых деревьев; это ложе
Для храбрых двух... В челне сегодня ночью!

Варана

(безвольно, в глубоком самозабвении повторяет).

Для храбрых двух... В челне сегодня ночью!

Гульдар.

Я знал, на смерть пойдешь ты, коль тебя
Я позову, ликуя. Пусть другие
Дрожат перед созданными безумья.

Варана
(пробуждаясь).

Но от безумья умирает счастье!
Нам никуда от чудища не скрыться,
Которое терзает наших братьев,
Грозя за грех рождением уроды,
Ипривиденья оскорбят святыню
Объятий наших. Если наша буря
Повергнет даже бога самого,
Который создан мрачным суеверьем, —
Одна не вынесу я счастья в горе!
Всем счастья я хочу и всем спасенья!

Гульдар
(насмешливо).

Ужель ты веришь в то, что череп принца
Спасенье нам дарует?

Варана
(с внезапным вдохновением).

Да, я верю.

Гульдар
(гневно).

Безумная! Ты хочешь трусость скрыть
Во лжи надежд! Скорее Тигр провоет
Ответы мудрые, чем принц найдет их.
Сказали правду мне: ты, как и все.

Варана.

О, не брани меня, Гульдар: довольно
Храбра я для проступка, что погубит
Всех или всех спасет! Мой грех, поверь,
Могуществен, как и любовь моя.

Гульдар.

Что хочешь сделать?

Варана.

Согрешить для всех,
Любить же для тебя лишь—этой ночью!

Одна из девушек

(внезапно в экстатическом непристойном танце вертятся под
такт воющей толпы).

Смотрите! Тигр! Он прыгает! Он в пене!

(Пронзительно).

Бегите, все бегите!

(Танцую, она срывает с тела одежды и, голая, устремляется к
Тигру, над пастью которого наклоняется).

Пей меня.

О, царь богов!

(Тигр глазеет молча. Она с криком падает на пол).

Меня никто не хочет!

(Во время этой сцены толпа в бессмысленном страхе устремляется к выходу из храма. В этом потоке стоит, как неподвижный столб, статуя войны. Внезапно ее повергают. Толпа кидается через нее. Только Гульдар спокойно остается на своем месте, презрительно глядя на Тигра и на толпу. Варана, на одно мгновение испуганная видением разъяренного Тигра, который хочет отомстить ей за угрозу совершить преступление, намеревается бежать. Затем, увидев спокойствие своего возлюбленного, она остается с ним. Мумия, обливаясь кровью, встает в пустом храме, впадает снова в оцепенение и целится сломанным луком в Гульдара и Варану).

Гульдар

(нежно, мечтательно).

Вкруг тихо так, спокойно, одиноко!
Страшишься ты, Варана?

Варана.

Я с тобой!

Гульдар

(восторженно).

Приди ко мне!..

(Он влечет ее к изображению бога, садится на ступени рядом с бездыханной танцовщицей и, кладя голову на лапу, попирающую черепа, страстно заключает Варану в свои объятия).

Тебя лобзать хочу я.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Цветущий луг в королевской роще. Налево, в глубине, излучина медленно текущего ручья. Правая часть сцены занята фасадом замка, к которому пристроена терраса; ступени ведут с луга на террасу. Справа, в глубине, рядом с замком—огромная статуя стогрудой богини плодородия.

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Бледные предрассветные сумерки. Блестящая звезда на небосклоне. При поднятии занавеса слышны тихие всплески весел невидимой лодки. Два стража шагают, сонные и продрогшие, перед статуей взад и вперед.

Первый страж.

Разрешено ли молока отведать
Божественного? Голод утолить!

Второй страж.

Когда бы сто грудей у девок было,
Забав хватило бы на сто ночей.

Первый страж.

Проклятый голод! Грешные две груди
Болтаются и сохнут от поста.

Второй страж.

Но эти сто упруги, налиты
Без мужа —

Первый страж.
Тигр приходит еженочно!

Второй страж.
Его видал ты? На нее он прыгал?

Первый страж.
Так говорят: ведь вера, не глаза,
Всю правду видит... Впрочем, руки тоже
Порою правду чувствуют... решусь!
(Он щупает груди, забравшись на статую).
Как теплы... мягки... гладки... сотня их...

Второй страж
(кричит).
Два человека! Женщина с мужчиной!
Обнявшись крепко! Нас чума сразит
За вождение твое! Бежим!
Мужчина с женщиной! И призрак Тигра...
Он нас пожрет... Скорей, скорей бежим!
(Стражи бегут. Гульдар и Варана выходят из челна и
идут от ручья в лучах восходящего солнца).

ВТОРАЯ СЦЕНА

Гульдар.
Умчалась ночь
Одна, глубоко
Скрывшись на веки
В страдающей бездне.

Варана.
Земная жизнь
В мечтах проходит,
Пусть расцветает
Безбрежное счастье.

Гульдар.
О, плод греха
Пахучий, красный!
Свято упрямство.
И грех благодатен.

Варана.
Мир обретен
В слияньи храбром.
Радость творится
Земли обновленной.

Гульдар и Варана.
Умчалась ночь.
При солнце юном
Шлем, расставаясь,
Людам приветы.

Гульдар.
Мы первые—богатые, привет нам!
Не знали смертные столь полной ночи!
Никто, как мы, судьбою не был взыскан!
Священна эта ночь, и ей другая
Пусть не идет вослед, чтоб не забыть нам
Среди забав великого «однажды»!
Свою судьбу и путь теперь я знаю!
Уверенность мне сердце наполняет.
Еще вчера все в жизни было шатко.
Я робким был младенцем, хоть и мог
Своим задором перед людьми кичиться.
Мне ужасом глухим и непонятным
Казался мир, запутанный в безумьи,
Круговоротом злых, пустых вопросов:
Куда? Зачем? Откуда? Почему?
Однажды я лежал бессонный; в душу
Мне луч проник! В уме раздался ясно

Освобожденной мысли зов! Я встал,
Воспламененный силой небывалой,
По улицам, ликуя, устремился,
Крича: Огромен мир! Богат он, светел.
Решитесь, братья, жить, решитесь мыслить,
Лишь в Духе жить, лишь через Дух творить.
Они таращили глаза, смеялись,
Травили, издевались над безумцем
И разрушителем. Возненавидел
Я встречных всех. И все же я любил
Все человечество,—высоко где-то,
Не видя вовсе на земле людей.
Я замолчал, глубоко опечален,
Разыгрывал перед людьми упрямца,
Чтоб одиночество свое укрыть.
Теперь нашел я человека. Воля
Слилась с другою волей, зародился
В том теле предок новых поколений.
Спокойствия и мужества я полн.
Чтоб действовать, мы ныне расстаемся!

Варана.

Когда однажды в мгле столетий звезды
Из огненных смерчей возникли с громом,
Тогда был звон в пространстве мировом,
И неся отгул от звезды к звезде.
В тот миг, когда земля свой мимолетный
Дарит приют тем звукам первобытным,
Им бдительные, видящие внемяют,
И от созвучий этих диких грудь их
Трепещет, сиюсь овладеть великим.
Оно в крови их бродит, о рожденьи
Земли напоминая величаво:
И человеческое существо
Родится новое в желаньи страстном,

Как всплеск последний вечного потока,
Текущего из первобытных бурь...
На нашу землю песнь слетела ныне.
Ты внемяешь ей, а я тебе, любимый.

Гульдар.

Я внемяю ей и расстаюсь печально.
Я облик твой с собою уношу,
Запечатленный в сердце. Овеает
Меня дыханье теплое твое,
Твой аромат я помню — всюю плотью.

Варана.

Грудь на груди лежала. Сохраню я
В себе биенье сердца твоего.
Я чувствую тебя! Хочу двойное
Постичь я в существе одном, и сердце
Твое несу я всем сердцам умершим.

(Они медленно направляются в глубину. Перед статуей богини плодородия Варана поднимает руки—торжественно и строго. Оба исчезают в роще).

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Рассвело. Принц Агаб выходит, зевая, из дворца на террасу, бросает несколько свитков, которые он принес, в богиню плодородия и лениво опускается на ступени, ведущие к роще. Перед террасой появляется начальник охоты в гестрой, расшитой золотом, причудливой форменной одежде и трубит в рог, давая сигнал. За ним свора очень важных, глупого вида псов; все одинаковые: одинаковой окраски, одинаковой шерсти, все одинаково держат голову, у всех одинаково поднят хвост. Они похожи на борзых из картона.

Ведающий охотой.

День для охоты, принц. Добыча будет!
Две тысячи людей, собравшись вместе,
Всю дичь согнали в кучу. Ни одной
Лисице не уйти в нору...

Принц

(недовольно отмахиваясь).

Не надо.

Ведающий охотой.

Тринадцать дней упущено. Так завтра.

(Начальник охоты уходит с собаками).

Ведающий гардеробом.

Вот, принц, наряд, который ты желал.

Принц.

Поди ты прочь с тряпьем.

Ведающий гардеробом

(опешив).

Как, целый час

Прошел с восхода солнца, и лишь дважды

Переменил сегодня ты одежду?

Негоже принцу в старых быть штанах...

(Ведающий гардеробом уходит).

Ведающий кухней

(с жареным поросенком).

Вот поросенок, нежный, как младенец...

Принц.

Сожри его ты сам с твоим отродьем.

Ведающий кухней

(опечаленный).

Ты завтракал всего три раза, эдак

Умрешь от голода... Нежней младенца...

(Принц в ярости швыряет в него поросенком. Ведающий
кухней убегает).

Паж, разглаживающий морщины

(юный, красивый).

Лепечет утро, воздух свеж и ласков,

Позволь—рассею тучи мглы ночной

Руками мягкими на лбу твоём.

(Он склоняется над ним, чувственно ласкаясь. Принц по
вергает его пинком. Тот уходит).

Наставник.

Так хорошо. Прочь чувства суету,

Лишь Духу предавайся сладострастно!

Учись же, принц, в науки погрузись.

Нужда пред троном скорчилась пустым.

Об испытании народ твой молит.

Принц

(тихо).

Я не сумею. Слишком трудно это.

Наставник.

Но этого потребовали боги.

Принц.

А если даже искус я пройду,

Как в простоте своей я править буду?

Наставник.

Ты повторяй: как я велик, велик,

Пока ты не поверишь; а, поверив,

Великим станешь ты. Вот путь к величью!

Принц.

Но что-то нужно делать. Вот в чем ужас!

Наставник.

Другие будут делать, ты же станешь
Великим в срок. И есть надежный способ—
Он оправдал себя за много лет —
Война. Ты нападаешь на соседа,
И если счастье за тебя, то он,
А не твои бегут! Тогда из крови,
Пролитой в славе (в славе—это значит
Когда она того покроет славой,
Чье войско шло вперед по воле божьей), —
Из крови той рождается—великий!
Агаб великий, властелин Фаруна!
История героя награждает—
Вот цель прекрасная. Ее достигнув,
Ты больше головы ломать не будешь,
Запоминая имена и годы;
Великим став, учиться ты не должен,
И знания те оставишь ты в наследство
Потомству славных чресл твоих.

Принц.

Война—
Величье—слава—чресла и потомки,—
Слова мне эти кажутся пустыми!
Что золото запретно вместе с знаньем,
Что каждый неудачный искус мне
Доход и дань народа уменьшает,
Что стану нищим я—вот это тяжко.

Наставник.

Так выбирай: быть мудрым или нищим,
Который уж не травит, а травим.
Но то не худшее, что ждет тебя.
В стране брожение, говорят шпионы.
Хоть девы добрые покорно пьют

Врачами им прописанные травы,
Чтоб угасить огонь в груди, но мужи
Ожесточились и глумятся смело.
Кричат они: Агаба бог не любит,
Иначе б он ему внушил познание!
Пускай другого испытают, пусть
Взойдет на трон король с рассудком ясным.

Принц

(испуганный).

Народ мой, преданный заветам древним,
Ужели он так ныне одичал?

Наставник.

Там есть один, укрывшийся хитро,
Который тайно проникает в души.
Глумясь над всем, он учит, что любовь
Сама себя испытывать должна,
Что испытанья принца ей не нужно.

Принц.

Зачем он совершает злодеянье?

Наставник.

Он говорит, тот лжец, что принуждают
Его к тому и совесть, и рассудок.
То плутни старые! На самом деле
Им руководит честолюбье, хочет,
Тебя казнив, он сам короноваться!

Принц.

И слушает слепой народ злодея?

Наставник.

Молва поет, что да.

Принц.

Итак, погиб я!

Наставник.

Нет, разум мудрецов стоит упрямно
На страже откровенья... Если даже,
Влекомая накопленною страстью,
Чернь позабыла стыд, закон забыла,
То мудрецов она, как прежде, чтит.
Учись же, принц. Учись и днем, и ночью.
Ты искус выдержишь... А если нет,
Легко случиться может, что народ
Тебя возненавидит и восстанет.
Любовный пыл противится уму.

Принц.

Мне ум противится и без любви.
Просить мы будем милостью оба.
Как ни ломай ты голову мою,
Она сотворена не для науки.
Пусть ювелир старался приспособить
Для узкой головы корону: тщетно!
Корона к ней не подойдет никак.

Наставник.

Корону лишь надень. Свершится чудо.
Калека превратится в короля.
Учись же, принц!

Принц.

Ах, если б это чудо

Заранее свершилось! Дай мне свиток...

(Он начинает заучивать, останавливается на мгновение, бессмысленно глядит в пространство, вздыхает тяжело и говорит гневно).

Я не хочу учиться!

(Является Ведающий стражей).

Наставник.

Принц, ты должен.

Послушай вести о своем народе,
Тогда поймешь ты, почему ты должен!

Ведающий стражей.

Я был везде и всюду я шпионил.
Везде я видел горе и мученья.
Рыдает время. Замерла торговля.
Рукою неподвижной держит серп
Юнец на знойной жатве и мечтает!
Станок гончарный перестал вертеться—
Гончар ленив... Горшки остались глиной.
При ловле рыбы без живца кидают
Они крючок, и сквозь дырявый невод
Морской народ играет в догонялки!

Наставник.

Они не ловят рыб, не сохраняют
Из пойманных пяти той шуки даже,
Которая профессорам грядущим
Обоснует права на капитал.
И можно ль исторический порядок
Нам будет дедуцировать, коль мы
Пример грядущих доказательств прав —
Тех шуек—не наловили, не хранили,
Которые явились бы основой
Для общества?

Ведающий стражей.

Ужасен по ночам

Любовных песен звук, как вой шакалов.
В нем слышится и бешенство, и пыл.
Нет скромности былой. Исчез порядок,

Былое благочестие погибло.

Плюют в богов, моля о невозможном.

Пример из многих. Девушка вчера —

Семьи хорошей — на базаре, днем,

Приценивалась к дорогим издельям.

Вдруг юноша к ней пылко подошел

И пожирать глазами стал, как будто

Была девчонка лакомым кусочком.

Уж правую он поднял руку — с дрожью

Стыдливости иль совести остатка —

И — ты подумай, принц, — погладил тихо

Наряд девицы. Что же та? Бежала?

Она была довольна. Эту ласку —

Принц, не сердись — с улыбкой приняла.

Когда бы сторожа не подоспели

И друг от друга их не оттащили,

Не поручусь, что не было б объятий.

Она — в темнице женской, он — далеко,

В мужской тюрьме, чтоб торопить не смели

Они любовь наперекор природе.

Принц

(сонно).

Не понимаю, почему друг к другу

Влечет людей, как будто к меду пчел.

Ведающий стражей

(со служебным рвением).

Другой пример еще вам больше скажет:

Сегодня утром в храм пришел юнец —

Он полтеленка притащил и молвил

Со смехом Тигру: — Насыщайся, милый,

За щедрость и кормлю тебя я щедро!

Но если снова испытанье принца

Ты сделаешь бесплодным, принесу я

Тебе в награду целого теленка. —

Служитель храма наглеца схватил,

Который над святынею глумился

И звал на королевский дом несчастье.

Но тот сказал: — я от хулы далек.

Взгляни, я тот, кто обречен быть мужем

Цармано, этой девушки ужасной.

Лишь браки разрешат, на ней я должен

Жениться буду; буду безвозвратно

В тот день своей судьбе я страшной отдан.

И вот молю богов — они добрее,

Коль сытно наедятся — может быть,

Они погубят страшную невесту,

Убив ее неуголимой страстью.

Принц

(меланхолично).

Услышана молитва эта будет.

(Ведающий стражей уходит).

Учиться надо.

(Склоняется над свитком).

В тишине учиться!

Помеха вновь рассеяла вниманье!

(Ведающий вооруженными силами идет с солдатами, которые маршируют под бешеный бой барабанов. Ведающий вооруженными силами командует: стой. Они застывают на месте. Ужасный барабанный бой).

Ведающий вооруженными силами.

Мы — основание.

Принц.

Основанье? Что?

Наставник.

Поймешь ты это позже. Ныне — слушай.

Ведающий вооруженными силами.

Мы основание, защита царства,
Народа цвет, мужская сила мы.
Во всех очах сверкает жажда битвы,
Все мускулы напряжены, как сталь.
Война есть самый ценный дар богов,
Ее мы слишком долго лишены!
Когда-нибудь ты ими будешь править,
Они за королем пойдут на смерть.
Растет усталость ждущих в нетерпении.
Добудь себе венец!.. Мы основанье!

Принц

(хочет сказать речь).

Вы, основатели —

Наставник.

Молчи, не можешь

Ты речь вести, покуда не испытан.

Ведающий вооруженными силами

(почти угрожая).

Мы основание! Вперед! Марш! Марш!

(Уходит с солдатами).

Принц

(снова недовольно).

Вот ремесло, подобное другому.
Над этим головы ломать не стоит.

Наставник

(сам себе).

Он словно мех пустой. Он ветра ждет,
Чтобы раздуться. Раздуватель душ,
Где ты? Иль девка отказалась? Вот!

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА

Ведающий рожденьями тащит в руках закрытую
статую.

Ведающий рожденьями.

Вот, принц, искусства славного создание.
Ты заказал!

Принц

(равнодушно).

Я не давал заказа.

Ведающий рожденьями.

Однако такова была задача:

«Любви томленье» изваять из камня.

Принц.

«Любви томленье» — глупость — не желал я
Его иметь ни в камне, ни телесным.

Наставник.

Взгляни-ка на нее!

Принц.

Я очень занят.

Меня ты отвлекаешь. Унеси!

Ведающий рожденьями.

Позволь! Мне тяжело... минутку... вот.

(Он ставит статую перед принцем. Она шевелится, покрывало падает, и появляется Хельга).

Наставник.

О принц, не ты ль мечтал, чтоб камень вдруг
Доступным стал, а плоть томилась страстью?

Хельга

(просто, по-детски).

Я помогу тебе; вдвоем учиться
Гораздо легче; веселей работа.
К тебе я лягу, слушая урок...

Наставник.

Внимая...

Хельга.

Если то позволят боги,
Хочу, лишь станешь королем ты, тотчас
Твоею стать женой и королевой!
К тебе простерла руки я! Гляди!

(Она протягивает к нему обнаженные руки).

Принц

(с пробуждающейся чувственностью хватает ее руки и не-
ловко дергает ее одежды).

Все так бело и так упруго! Должен
Я посмотреть.

Наставник.

Проснулась кровь.

Ведающий рожденьями

(торжественно).

Бессмертье

Встает, дыша, из дремлющих глубин...

Хельга

(вырываясь от принца).

Другое позже. За наукой следом
Идет любовь... Давай учиться...

Принц

(снова впадая в сонливость).

Прочь.

Меня все это сердит. Уходи же.
Не людоед я... Если эта девка
Так страстна, пусть ласкает лапу Тигра.
Тогда он ласково начнет ворчать
И, может быть, меня терзать не будет.

ПЯТАЯ СЦЕНА

Солнце внезапно меркнет. Тусклый зеленоватый сумрак. По-
всюду раздается неопределенный плач и стон. Бесконечная
вереница теней наполняет сцену; они туманны и неуловимы;
из разорванных серых образов сияют, как единственный
знак их существования, широко раскрытые глаза.

Хельга

(вскрикивает).

Крадется Тигр по небосклону вверх!
Сейчас он схватит, растерзает солнце!

(С криком бежит прочь).

Наставник

(содрогаясь).

Я не при чем, клянусь.

(Падает на колени).

Ведающий рожденьями

(задумчиво).

Сама природа

В смущении, кольцо любви распалось.

Вереница теней.

Первый полухор.

Не знали во век мы
Счастья, счастья,
Взором лишь блещем мы.
Смотрим жадно

В скрытую далями,
Слезы льющую,
Непрожитую жизнь.
Мы алчем вечно,
Неутолимо,
Слиянья с миром
Одушевленным,
Который тает,
Недостижимый,—
Жертвы утеранных,
Хитро обманутых,
Робко задержанных
Объятий
Жен и мужей.
Мукой томимая
И одинокая
Ночь
Кидает дрожащее
Семя бесплотных,
Не воплощаемых
Странников небытия:
Пусто блестящие взоры
Смотрят в манящую жизнь;
Из наших слез
Родятся смутные
Тела желаний.

Второй полухор.

Мы некогда в мире —
Жили, жили.
Люди похитили
Злобно, яро
Юную, свежую,
В мир влюбленную
Непрожитую жизнь.

Лишившись лона
И мать утратив,
Взор наш, для света
Чуть лишь раскрытый, вновь
Нам сомкнула
Ночь завистливо.
Стали от голода
Бледны тела у нас
Рано. И с жадностью
Пожрал сердца
Яростный бог,
Всех сотворивший нас,
Нами насыщенный
Бог.
Смерть, тюрьмы, топор,
Война, косящая
Слава, надменная
Гордость правителей—кровь
Сосали из жарких жил
Прекрасной и юной силы;
Раздавлена в тине
Форма лучистая
Прелести тленной.

Оба полухора.

Согнувшись, несем
В корзинах плетеных,
Как чахлый валежник,
Что источен червями,
Серую ношу:
Мертвое время, мертвое время.
Мы, ввек небывшие,
Мы, вдруг убитые:
Обманутые,
Ограбленные,

Жертвы безумия,
Маски небытия.
Согнувшись, несем
В корзинах плетеных,
Как чахлый валежник,
Что источен червями,
Серую ношу:
Мертвое время, мертвое время.
Но наши очи
Мстительно ищут,
Находят и гонят —
Травят
Виновных хулителей
Светлого мира.

(Затуманенное солнце ярко вспыхивает. Тени исчезают сразу, как бы втянутые сверкающим обликом Вараны, которая стоит спокойно и величественно, будто возникнув из теней. Она мерным шагом подымается по ступеням террасы к принцу, который со страхом всматривается в новое видение).

ШЕСТАЯ СЦЕНА

Варана.

Иду спасти.

Принц

(не понимая).

От ужасов спасти?

Варана.

От головы твоей! Но прежде, принц,
Ты удали наперсников бессилья.

Принц.

Ступайте прочь!

Ведающий рожденьями
(подозрительно).

Мне кажется, как раз теперь я нужен.

Наставник.

Спасенье головы — мой долг, девица.

Варана.

Где долг твой кончен, там начнется мой.
Коль вы противитесь, уйду я снова.

Ведающий рожденьями
(чуя).

Но объясни. Все девы наших дней
Худы и чахлы, желты, боязливы,
Изъявлены проказою печали,
Но ты ясна, спокойна и свежа —
Откуда мощь твоя?

Варана
(гордо, насмешливо).
Ее взяла я!

Наставник.

Для духа иль для тела ты пришла?
Дух управляем мной!

Варана.

Ни дух, ни тело —
Несу я третье, — третьего ищу.

Принц
(слегка взволнованно).

Идите прочь. С ней говорить хочу я.
(Наставник и Ведающий рожденьями нерешительно уходят).

Варана.

Внимай! Я дочь старейшего из мудрых,
Хранительница древнего святого
Папируса, который весь исписан
Таинственно рукою мудрецов.
Вопросы и ответы в нем таятся
Для испытанья принца. Преступленье
Я долго не решалась совершить,
Но ныне те загадочные знаки
В своей душе запечатлела я!
Тебя я научу вопросам темным,
Решенье их открою я тебе.
Я точно записала их! Читай!
(Она дает принцу свиток, который тот разбирает по складам).

Принц.

Лари веддо машкамайеддо шем...
(Печально вздыхая).
Не понимаю.

Варана.

Понимать не нужно.
Ты звуки заучи. Тебя не спросят,
Постиг ли ты их смысл, коль дашь ответ
Ты нужный.

Принц.

Это долго. Слишком трудно.
Семь или восемь лун друг друга сменят,
Покуда свет блеснет в мозгу моем.

Варана.

Лишь выжди срок. О, час тот будет славен,
Когда, забыв об ожиданьи, ты
Как царь, заговоришь... Пойдем, открою,

Как нужно знаки трудные читать.
Я сделаю тебе ответ приятным
И звучным. Он легко скользнет в тебя.

Принц

(смеясь с вожделением).

Ты, девушка, я вижу и умна,
И хороша. Приди учиться ночью!

Варана.

Обман откроется, и все погибнет.

Принц

(страстно).

Хочу тебя...

Варана

(смеясь).

Принц, будь благоразумен,
Свой ум ты для ученья сбереги.

Принц

(бешено).

Хочу тебя..

Варана

(сопротивляясь).

Стань королем сначала.

Принц.

Тогда захочешь?

Варана.

Кто же венценосцу
Противится? Идем! Учиться надо!

Принц.

Пойду с тобой и терпеливым буду.
(Оба идут в замок).

СЕДЬМАЯ СЦЕНА

На сцену врывается толпа кричащих юношей, перед которыми медленно отступает Гульдар, сопротивляясь и делая успокаивающие жесты.

Юноши

(наперевыв крича).

Ты соблазнитель, вор, разбойник, лжец,
Ты поноситель бога, нечестивец!
Похитить веру хочешь ты у нас
И нас склонить к постыдным преступленьям,
Чтоб мы, несчастные, совсем погибли.
Ты всех пороков узел! Сатана!

Гульдар.

Но послушайте!

Юноши.

Проглоти язык!

Гульдар.

Услышьте правду!

Два стража

(с криком устремляясь вперед).

С девкой был он ночью!

Юноши.

Он с девкой был! Был с девкою! Был с девкой!
Побить его! Побить, побить камнями!

(Они кидают в бегущего камни, пока он не падает. Среди крика и шума Усмирители народа разгоняют толпу ядовитыми змеями, готовыми ужалить).

Первый усмиритель народа.

Эй! Что за шум! Назад!

Второй усмиритель народа.

Очистить площадь!

Третий усмиритель народа.

Мы за порядком смотрим и караем!

Собаки бестолковые, назад!

Первый усмиритель народа.

Свободней стало. Площадь опустела.

(Юноши, внезапно присмирив, покорно уходят).

Первый усмиритель народа

(указывая на лежащего без сознания Гульдара).

А этот в назиданье горожанам

Останется воронам на съеденье.

(Сцена пустеет. Некоторое время царит мертвая тишина. Издали летят еще отдельные камни. Варана выходит из замка и останавливается на террасе).

Варана

(вздыхая).

Свершилось! И отныне навсегда

Я выброшена из людского круга.

Но не одна.

(Замечает Гульдара).

Ужель одна? Погибла?

(Она наклоняется над телом Гульдара. Случайный камень попадает в нее. Она качается, падает, но тотчас же приходит в сознание и радостно прислушивается к груди Гульдара).

Он дышит... жив...

(Она кладет его голову себе на колени).

Побиты мы камнями...
Соединившись, чтоб не расставаться,
Мужчина с женщиной впервые души
Сегодня слили; люди нас отвергли,
Но, колебания не зная боле,
Свободные, мы овладели миром!
Его спасем, хоть он того не хочет!
Мой друг! Мечтаешь ты о новой жизни,
И я тебя укрою... исцелю.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Светло, мерцающая звездная ночь. Огни высоких площадей озаряют человеческие группы магически-трепещущим светом. В глубине призрачно вздымающийся храм, из ворот которого выходят лица, принимающие участие в испытании. Перед храмом высокий трон с грубыми мордами тигров, пестро выкрашенный. Справа и слева от него по три каменных сиденья для совета мудрецов. Сцена представляет род скалистого амфитеатра, в котором с обеих сторон место собрания отгорожено крутыми стенами скал и который спереди переходит в равнину, так что отсюда могут свободно входить толпы.

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Ведающий вооруженными силами и Ведающий рождениями несут стул испытаний—орудие пытки, сиденье которого утыкано гвоздями; с боков и снизу—колодки, в которые должны быть закованы ноги и руки принца. Они ставят стул перед троном.

Ведающий вооруженными силами.

Почти уж целый год прошел с тех пор,
Как бог наш — Тигр — пожрал однажды солнце.

Ведающий рождениями.

И тотчас выплюнул кусок горячий.
Но это чудо изменило принца.
В листы сухие знания он зарылся
И так исчах, что жалок стал на вид.
Шли месяцы, а он все не решался

Пошевелить губами и предстать
На испытанье пред советом мудрых.
«Я не могу», «Мне слишком трудно», «Память
Моя слаба», — так плакался бедняга.
Но срок пришел, и ныне он готов.

Ведающий вооруженными силами.

Итак для нас закончилось пустое,
Бесплодное, бездейственное время.
Мы будем вновь повелевать и править
Круговоротом мировых событий.
Ты, мой помощник, сей людей усердно,
Чтоб для серпа имел я рожь густую.
Приятно создавать, производить,
Но радость величайшая — отродье
Ленивое косить оружием острым,
Что выдуманно их умом и потом
Их выковано. Творчество приводит
Вновь к разрушенью. Страх преображает
Глупцов в героев; ими управляя,
Со смехом мы играем в смерть и жизнь!
Возносит нас над миром и богами
Смерть, как деянье, потому что вольно
Оно предвосхищает власть судьбы.
Мне нужны люди, пусть они кишат.

Ведающий рожденьями

(строго, печально размышляя).

Глумишься надо мной ты! Смертный враг мой!
Великие деяния людей,
Возвышенные страсти их, надежды
Отдать я должен ужасу обмана?
Нет, я хочу их низменную похоть
В огне священном самоотверженья
Очистить красотой и силой духа.

Мир молодеет от любви взаимной.
Когда из лона матери святого,
И мужу счастье давшего, дитя
С надеждой входит в хоровод житейский,
Тогда душа земли гудит в восторге
И чувствует в своей крови бессмертье.

Ведающий вооруженными силами.

Ты вопли призраков забыть не можешь!

Ведающий рожденьями

(как бы заклиная).

Они мне возвестили о свободе,
О новых днях неведомого счастья;
Ты — только призрак гордый дней былых,
Проклятою рожденный тьмою.

Ведающий вооруженными силами

(насмешливо).

Ты — сводник коронованного пыла!

(Оба уходят в глубину).

ВТОРАЯ СЦЕНА

Справа и слева входят темные толпы народа, которые остаются вне круга света. Усмирители народа, еле освещенные, бросаются им навстречу, направляя на них свои ядовитые змеи.

Первый усмиритель народа.

Назад! Вас позовут! Домой ступайте!

Крик из толпы.

Ужален я змеей. Яд... Умираю.

Второй усмиритель народа

(спокойно).

Они кусают, исполняя долг.

Они помощники властей. Назад!

Первый усмиритель народа.

Вам змеи зубы показали. Право,

То — зубы мудрости, как раз для черни:

Кто подойдет, ужален будет тотчас.

Они покорны нам... назад... назад.

(Одному, который не хочет отступать).

Иль хочешь со змеей поцеловаться?

Юноша.

Я рад уйти! Меня толкают! Ай!

(Он сосет ужаленный палец).

Второй усмиритель народа.

Довольно вам глазеть! Пора! Ступайте!

Третий усмиритель народа.

Когда нужны вы будете, вас кликнут!

(Толпа удаляется, ворча, но поспешно. Тишина. В торжественном шествии выходит из ворот храма совет шести мудрецов во главе с Верховным мудрецом, рядом с которым идет Варана, неся ларь с вопросами. Верховный мудрец с короной в руках поднимается на трон и садится. Варана стоит на ступенях. Через мгновение Наставник вводит дрожащего принца и привязывает его к стулу испытаний).

Принц

(тихо, подавляя крик).

Ой! Колется!

Наставник

(тихо уговаривает принца).

Но в этом очищенье!

Кровь, истекая, духу даст дорогу.

Верховный мудрец.

В свидетели созвездья призываю,

Что устремили на деянья наши

Бесчисленные очи. Пусть ошибкой

Не будет посрамлен великий суд.

Совет шести мудрецов.

Закона откровенье мы храним.

Верховный мудрец.

Опасен этот час. Уже два года

О повелителе страна томится!

Когда впервые ты предстал пред нами,

Ты спрошен был о временах былых,

О горах, об озерах и о реках,

О всех растениях, о лесных зверях,

О людях, о сокровищах страны. —

Ты ничего не знал! — Вторично спрошен

Ты был об именах светил небесных,

О таинствах науки числовой,

Сквозь лабиринт ведущей к высшим знаниям,

О доблестях людей и королей. —

Ты ничего не знал! — Теперь мы верим,

Что ты за это время все вместил

В своем уме и в памяти. Ты будешь

Сегодня спрошен сразу обо всем,

Ты знание высшее поведать должен.

Но помни, принц, коль снова разум твой

Затмится, то в четвертый раз столь трудно

Ты будешь спрошен, что никто ответить
Не будет в силах... Ни вот эти шесть,
Ни я, премудрейший из смертных. Дочь,
Открой ларец и дай листы вопросов.

(Варана дает отцу первый лист. Верховный Мудрец торжественно читает).

Что есть начало и причина мира?

Принц

(тараторит бессмысленно).

Недвижный мертвый хаос был сначала.
Но капля божьей крови истекла
В Ничто, где царствовали смерть и мгла,
И мироздания пламя вспылало.
И смерч огня, бушуя, тканью алой
Окутал все. И яростно росла
Мощь к бытию творений без числа,
Покорна воле, что ее рождала.
Слагались и менялись формы тел,
И многокрасочный наряд одел
Все, что волна рожденья уносила.
И стало жизнью мертвое Ничто,
В закономерный строй замкнулось то,
Чем был вначале мир: живая...

(Принц запинаясь, не находит слово, несколько раз повторяет «живая»; ища помощи, смотрит на Варану, которая, безучастно грезя, устремила взгляд в пространство).

Верховный мудрец.

Я с изумленьем слушал, как слетали
Слова ответа с уст твоих. Ужели
Не знаешь ты последнего? Подумай!..

Принц

(с крайним напряжением, в изнеможении).

...Сила

Совет шести мудрецов

(приветственно кивая).

Им тайна откровения открыта.

Верховный мудрец.

Ты правильный и мудрый дал ответ,
Но неуверенно, без выраженья.
Внимай ответу мудрости созревшей.

(Повторяет, с глубоким волнением и истинным пафосом).

Недвижный мертвый хаос был сначала.
Но капля божьей крови истекла
В Ничто, где царствовали смерть и мгла,
И мироздания пламя вспылало.
И смерч огня, бушуя, тканью алой
Окутал все. И яростно росла
Мощь к бытию творений без числа,
Покорна воле, что ее рождала.
Слагались и менялись формы тел,
И многокрасочный наряд одел
Все, что волна рожденья уносила.
И стало жизнью мертвое Ничто,
В закономерный строй замкнулось то,
Чем был сначала мир: живая Сила.

(Варане).

Дай лист второй мне.

(Варана подает лист, он читает).

Что есть сущность мира?

Принц

(говорит свободнее и живее, но с неверными интонациями).

Разобщены и пряча в страхе лица,
Жильцы земли трепещут перед тайной
Их жизни краткосрочной и случайной.

Но вот к ним молния богов змеится.
И узниками сметена темница
Скорбей пустых. И радостью бескрайной
Все спаяны. Порыв необычайный
Ничто в ничто заставил превратиться.
Цветет, избытком новых сил хранима,
Уверенность, что жизнь несокрушима,
Что плодоносна вечной жизни новь.
Существование в жизнь преобразила,
Людей соединив, и смерть убила
Вселенной сущность вечная — Любовь!

Совет шести мудрецов
(одобительно).

Проник он мудро в тайну откровенья.

Верховный мудрец.

Ты смысл нашел, облек его в слова,
Свободней речь текла, но выраженьем
Ты чудо мысли волшебства лишил.
Вот как звучит, что мудро ты открыл:
Разобщены и пряча в страхе лица,
Жильцы земли трепещут перед тайной
Их жизни краткосрочной и случайной.
Но вот к ним молния богов змеится.
И узниками сметена темница
Скорбей пустых. И радостью бескрайной
Все спаяны. Порыв необычайный
Ничто в ничто заставил превратиться.
Цветет, избытком новых сил хранима,
Уверенность, что жизнь несокрушима,
Что плодоносна вечной жизни новь.
Существование в жизнь преобразила,
Людей соединив, и смерть убила

Вселенной сущность вечная — Любовь.
(Варане).

Варана, рок сокрыт в листе последнем.
(Читает).

Что есть возвышенная цель вселенной?

Принц

(с большим пафосом, верно интонируя, но без понимания и без чувства).

Путь жизни людям стал путем страданья,
Слепцы во тьме блуждают бесконечной.
Как псы голодные, их травят вечно
Неясные стремленья и желанья.
И, власть кляня, коварства их созданье,
Они несут трусливо и беспечно
Ярмо, которое бесчеловечно
Сковало дух, убило упованья.
Мир гибнет... Но звучит вдруг светлый зов,
Прервав игру бесцельную глупцов:
Ты сам причина муки безысходной.
Сам созидай себя и правь судьбой;
Вселенной цель стоит перед тобой:
Свободный Человек, Творец свободный.

Совет шести мудрецов
(восторженно и взволнованно бормочет).

Исчерпаны все тайны откровенья.

(Раздается сильный удар гонга, из глубины приближаются придворные: Наставник и др.).

Верховный мудрец.

Свободен испытуемый!

(Ведающий вооруженными силами и Ведающий рожденьями оттягивают принца от стула испытания.
Удар гонга).

Верховный мудрец.

Пусть будут

Свидетелями торжества мужчины.

(Впережку звучные удары гонгов. Мужчины и юноши заполняют переднюю часть сцены; но в течение всего акта они остаются в темноте; луч света освещает только тех, кто принимает непосредственное участие в действии).

Достоин принц короны; он созрел,—

Ответил он на мудрые вопросы.

Внимайте цели, что он всем поставил.

(С сильнейшим пророческим пафосом, проистекающим из глубины потрясения и прозрения).

Путь жизни людям стал путем страданья,

Слепцы во тьме блуждают бесконечной.

Как псы голодные, их травят вечно

Неясные стремленья и желанья.

И, власть кляня, коварства их созданье,

Они несут трусливо и беспечно

Ярмо, которое бесчеловечно

Сковало дух, убило упованья.

Мир гибнет... Но звучит вдруг светлый зов,

Прервав игру бесцельную глупцов:

Ты сам причина муки безысходной.

Сам созидай себя и правь судьбой;

Вселенной цель стоит перед тобой:

Свободный Человек, Творец свободный.

(Толпа благоговейно повергается ниц. Только одна темная фигура продолжает стоять неподвижно в самой глубине слева).

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Верховный мудрец.

Пусть принца подведут.

(Наставник ведет принца к трону. Верховный мудрец ожидает его, стоя на верхней ступени. Принц всходит туда. Верховный мудрец возлагает на его голову корону).

Ты коронован!

Пусть для тебя сияет знак богов:

Венец любви, и силы, и свободы

Сияет пусть Агабу — Нулевому!

(Принц опускается на трон. Звезды меркнут. Огни плошек погасают. Несколько секунд на сцене полный мрак. Внезапно корона начинает сиять и в дальнейшем освещает сцену; только толпа, поднявшаяся с колен, остается во мраке. На лице принца заметно появляется тупое выражение; он выпучил глаза, злобно смотрит в одну точку).

Наставник

(восхищенно).

Смотрите. Вот железный взор владыки!

Король

(с того мгновения, как на его голове сияющая корона, говорит с глупым сознанием своего достоинства и шутовским пафосом, очень оживленно жестикулируя).¹⁾

Я — я — посол богов — времен владыка,

Я—ваш закон. То, что я прикажу,

Не может быть отменено и мною.

Примером будут предки. — Но, конечно,

¹⁾ Примечание для актера. Артисту, играющему Агабу, следует принять во внимание, что в действительности принц не подвергается тем резким переменам, которые внешне обнаруживаются. В глубине своего существа он остается простым, рядовым, добродушным, крайне ограниченным созданием, и если по временам превращается в жестокого и безумного зверя, то потому, что не дорос до задач, возлагаемых на него его положением. Его превращение в тирана есть только следствие магического действия короны. Принц становится одержим демоном королевского достоинства. Мания величия приобретает власть над ним лишь тогда, когда на его голове корона. Не взирая на всю карикатурность, которая должна быть достигнута путем соединения всех типических черт, он является юмористическим образом в высшем смысле юмора, как скорбной насмешки над мировым трагизмом.

К. Э.

С уместными реформами. — Народа
Благополучье—цель. — Ему дарую
Я счастье, он повиноваться должен.

(Одобрительный шум толпы).

Громкий голос из толпы.

Пусть боги смысл твоим словам даруют,
И прояснят поток многоречивый.

Наставник.

Хвала богам! Король наш соизволил
Сейчас мышление новое родить.

(Шум одобрения).

Король

(польщенный, продолжает).

Реформ немало. Слишком современно
Раскрашен трон. Классичнее! Подушка
Жестка! Обойщиков и живописцев,
Как всех искусств высокий покровитель,
Я призову к себе — их королю.
Храм низок; перестройка неотложна.
Несовершенно кораблестроенье;
Не верен стиль судов, а их число
Потребностям не отвечает новым. —
Носы и уши голые народа —
Безнравственно! Держать народ построже.
Чутье и слух его остры чрезмерно.
Обрезать груди женщин такт велит,
Заботы...

(Смутившись, запинаясь).

О спокойствии мужчин.

(Произнося последнее слово, он беспокойно смотрит на
Варану).

Все это упорядочим потом.
Сейчас же озабочен я исполнить
Горячее желание народа —
Ему дать королеву.

(Радостные крики толпы).

Пусть мой брак
Стране благодеем первым будет.
Мой взор избрал: Варана—королеву.

(Возбужденный шопот народа).

Да будет так! Пускай нас обручат.

Голоса.

Варана... королева...

Верховный мудрец

(взволнованно).

Дочь моя,
Счастливица! Отец, покрытый славой!

Варана

(поднимает голову, улыбаясь смотрит на короля, совершенно
спокойно, со скрытой насмешкой).

«Пускай нас обручат». Я ж заявляю,
Что в брак с Агабом не вступлю затем,
Что женщина с плодом своим не смеет
Кровосмесительно вступать в союз.

(Всеобщее замешательство и движение).

Король

(не владея собой, с открытым ртом).

Как? Предложение богов посланца?..

Совет шести мудрецов.

Что в этом случае велит писанье?
Кто темный смысл ее речей постигнет?
Закон мы охраняем, а закон
Молчит. Расторгся откровенья круг.

Верховный мудрец
(подавленный).

Неслыханный, невероятный случай!
И я, мудрейший, воспитал такую
Заблудшую...

Король
(вне себя).

Сюда ее тащите!

(Среди всеобщей растерянности Наставнику приходит в голову спасительный выход; он поднимается по нескольким ступеням трона).

Наставник.

Угроз не надо. Милостью внезапной
Она оглушена. Ей время нужно,
Чтоб над неожиданным счастьем поразмыслить.
И ты, король, ты должен воздержаться
Зажечь сегодня брачные огни.
Я весть несу о временах суровых
И о тяжелом долге для тебя.
Неподходящий час теперь для празднеств:
Враг угрожает нападенем дерзким
Свободе, счастьем, жизни государства.
Давно распух от зависти сосед
К благополучью нашему и хочет
Предать опустошению страну.
И надлежит отечество и веру,
Поля, жилища, скот и женщин—все,

Что создано трудом тысячелетий,
Победно острым защитит мечом.
Король великий поведет народ свой,
Который клича ждет, готовый к бою.

Король.

Народ! Пришел великий час, когда
Соединит нас братски испытанье
С тобой меня, раба моей державы.
Идем же в бой! К победе! Враг надменный
Наш скромный мир осмелился нарушить.
Отмстим ему! Помогут боги нам!

(Восторженные клики толпы. Несколько человек пытаются запеть воинственный марш, который прерывается призывами к тишине, т. к. король повелительным движением руки указывает, что он еще не кончил речи).

Благодарю, возлюбленный народ.
Итак, война объявлена отныне.

Наставник.

Уже давно врага мы терпим козни.
С насмешкой злобной внутрь страны он гонит
Морские волны, чтоб сейчас же их
Вернуть обратно нагло. Повторяет
Он каждый день забаву эту, нас
Лишив покоя. То поглотит море
Цветущий берег весь, а то вокруг
Все устлано морским зверьем подошим
И наполняющим зловоньем воздух.
Пошлем теперь последний ультиматум:
Иль вы в течение суток прекратите
Игру проклятую, в безбожной смене
Гнать волны и обратно угонять,
Иль силою оружия заставим
Мы успокоиться и вас, и море.

Ведающий вооруженными силами.

Беликий час! Мечи звенят, и рухнет
Врага господство. Боги нам помогут!
Не будет больше нам он угрожать.
Мы победим—помогут боги нам.
Народ, сплотись вокруг монарха—он
К великим временам тебя ведет.
Теперь, о государь, еще скажи мне,
Чтоб грозный план войны я мог составить:
Как враг зовется, где его страна?

Король

(растерявшись, беспомощно).

Тот враг, которого сломить должны мы...
Он... ненавистный и жестокий враг...
Лжецы... собаки жалкие... мартышки...
Тот враг...

(Подавляя бешенство, шепчет Наставнику).

Скажи же, пентюх, как зовется
Тот враг...

Наставник

(озадачен, затем поспешно, наугад).

Война объявлена Лебранцам.

Толпа.

Смерть всем Лебранцам! Всем Лебранцам смерть!

(Теперь громко раздается дикий, нестройный, нечленораздельный военный марш, который нарастает все с большей мощностью. В это мгновение сквозь толпу проталкивается Гульдар, вступает справа в круг света и останавливается, выпрямившись. Толпа умолкает в испуге).

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА

Один из толпы.

Воскрес умерший!

Другой.

Тигр его сожрал
Всего, с костями. Он исчез бесследно.
Он не нашел покоя. Бродит призрак
Его, воскресший. Это страшный знак!

Третий.

Он жив, хоть был побит камнями. Взоры
Пророчески горят. Он говорит.

Гульдар.

Едва исчез запретной жизни призрак,
Что нас нелепо много лет душил,
Затеять вновь безумство вы хотите?
Ведь только что здесь окрылил нас души
Высоких слов плодотворящий дух.
Свободный человек, творец свободный
Провозглашен был. Праздновалась гибель
Тех темных сил, что создали мы сами
И что терпели в низости трусливой.
Свободный человек, творец свободный—
Так новых дней рождается надежда?
То ль юная свобода, что послушно
За вожаком тупомычающим стадом
Идет со сграхом, тотчас подчинившись
Безумным рокам вожделий алчных?
Иль живодеры вы, которым ценно
Живое только падалью зловонной?
Молю вас, заклинаю: откажитесь!
Решитесь быть свободными! Людями!

Часть толпы.

Он прав! Идем за ним, он наш спаситель.

Гульдар.

Вы, образец мудрейших мудрецов!
Так зачерствел ваш ум, что вы не в силах
Найти слова, чтоб отстоять, что пышно
Вы сущностью и целью объявили?
Все было только болтовней, насмешкой?

Совет шести мудрецов.
Закона откровенье мы храним.

Верховный мудрец

(обеспокоенный, неуверенно).

Служу я высшей правде, слитый духом
С первоосновной тайной бытия.
Да, царство вечного—обитель мысли,
Но только в сфере духа мысль властна.
Не мысли судьи на земле, а люди!
В вопросы дней текучих погруженный,
В заботы суетные, должен я
Признать необходимость ночи, власти
И подчиниться; в то же время с башни
Дозорной разума и знания надо
Мне каждое деянье короля,
Чья власть покоится в себе самой,
Обосновать, укрепить разумным словом.
И вот скажу: не произвол толкает
Народ геройский весь на испытанье,—
Совет суровая нужда судьбы.
Не случай положил борьбе начало,—
Ее взрастила гниль вражды давнишней.
Противоречье сущностей народных—
Вот что велит сильнейшему подняться.
Все нужно, требует осуществленья.

Гульдар.

Я право новое осуществляю!

Верховный мудрец

(согратательно).

Безумец юный! Неужели мнишь ты
Закона всемогущество сломить?
Просунувшись сквозь щель темницы мрачной,
Два кулака беспомощно впились
В железную решетку и застыли,
Как будто отсеченные от тела:
То руки заключенного во мраке.
Не может глаз приблизить к щели он,
К свободе он чела поднять не может,
Лишь простирает высохшие руки—
Два кулака безумного бессилья,
Две судорожно сжатые руки
На черных прутьях—вот чем будешь ты.

Гульдар.

Те руки отсеченные свободу
Пока еще творят... Долой тиранов!

Часть толпы.

Тиранам смерть!

Король

(кричит).

Нет, смерть тому народу,
Что короля послушаться посмел.
Что говорит закон об этом, канцлер?

Наставник.

Кто короля бесстыдно оскорбил,
Тому язык из нечестивой глотки
Железом раскаленным вырывают!

Гульдар.

Вперед, друзья, довольно палачам
Нам отравлять дыханье жизни! Надо
Их запереть в зверинец напоказ,
Кормить и забавляться их уродством.

(Толпа, отступив немного, стоит неподвижно, злобно и трусливо гудя. Отдельные говорящие переходят границу света).

Человек подозрительного вида

(дерзко).

Сперва скажи, зачем ты все затеял?

Первый голос.

Враг дал ему за это сто быков!

Гульдар

(весело).

Коль нет их у меня, ты мне их дашь?

Второй голос.

Завистник, сам быть королем он хочет!

Гульдар

(смеясь).

До пустяков я вовсе не охотник.

Один из толпы

(размахивая сжатыми кулаками, возбужденно кричит).

Так объясни же действия свои!

Зачем ты нас смущаешь, нарушаешь

Покой, врагу оказывая помощь.

Гульдар

(потрясенный, поет).

Из ваших душ хочу врага изгнать я.

Возбужденный

(нанося удар Гульдару).

Лишь о себе, о выгоде своей,
Обманщик, говори, а не о нас!

Старик из толпы.

Он родился не здесь. Он чужеземец.
Нам, убеленным синами, верьте!

Угрожающий голос.

Глупец, он болен манией величья.
Он слепо вас к гибели ведет.
Остерегитесь! Ввергнув вас в несчастье,
Сам скроется он.

Многие голоса

(наступая на Гульдара).

Бейте негодяя!

Сторонники

(отворачиваясь, с опущенными головами, обрадовавшись поводу отступить от Гульдара).

Так вот он кто, за кем мы с верой шли,
Из-за кого едва не пострадали!

Гульдар

(совершенно подавленный, стонет).

Всему вы верите, но не тому,
Что я хочу сияющей мне правды.

Варана

(быстро подходит к нему, требуя с жаром).

Собрав все силы, им сказать ты должен,
Чем сердце надрывается твое.
Заставь их!

Гульдар.

Больше не могу! Мне тошно!

Наставник

(выжидательно наблюдавший, тихо Королю).

Победа наша. Не напрасно тайных
Сторонников мы золотом себе
Навербовали. Дай мне говорить.

(Громко).

Народ сам был судьей и обвинил.
Доказано, что он, врагом подкуплен,
Посеял смуту, единенье граждан—
Оплот страны—разрушил, покушался
Сам тронном завладеть, хотел врагу
Народ, отчизну и свободу выдать.
Назначь, король, за преступленье кару!

Король

(с дико фантастическим зубоскальством жестокой похоти)

Я милую тебя, Гульдар. Хочу я
То разделить с тобой, чего ты жаждешь.
Мы вместе бремя власти понесем,
В союзе внутреннем и днем, и ночью
Всецело связанные... Будешь ты
В подвале самом темном под дворцом
Весь в цепь закован—руки, ноги, шея.
Конец же цепи будет находиться
В моем покое, чтоб всегда я мог
Справляться нежно о тебе, мой брат,
Знать — жив ли ты, готов ли в такт со мною,
Готов ли в такт с рукой моей—плясать.

Гульдар

(с последним напряжением, словно подавляя приступ рыданий).

Неслыханные казни измышляй,
Глупец, чтоб страх твой и безумство власти
Могли меня мученьям предавать.
Ты не умножишь мук, что я терплю.
Что в этом мире я найду? Я вижу
Раздутых спесью негодяев, взгляды
Трусливые, глаза, в которых похоть,
Оскаленные морды, любовственно
Слюною брызжащие ядовитой.
Кто вы? Зверье, что создано из грязи
И что двуного вопреки природе;
Два скрытых хобота есть у него
На рыле; ими, чтобы не упасть,
Оно присасывается к земле.
Так со словами шутовских мечтаний
Барахтаетесь в тине вы, втоптав
В навоз возвышенные все обеты.
А ваши званья и чины—лишь язвы
Гноящихся сердец, что отравляют
Здоровым жизни полноту, которой
Вам не понять, холодным и пустым.
Вы—призраки живого, вы убили
Ужасным ядом духа своего
Все, что полно самотворящей силы...

(Пламенно).

А вы, лишенные имен и прав,
Взгляните раз! Подумайте хоть раз!
Поверьте раз! И только раз дерзните!
Земля цветет, она цветет для вас,
Сияет жизнь, зовет—ее хватайте
Руками вашими. Внемлите, бьют
Час человечества! Стоит пред вами,

От страсти трепеща, нагая Правда
«Я». Вас зовет..

(Мертвая тишина. В изнеможении).

Напрасно... Все напрасно...

(Еще раз пересилив себя, полный спокойствия).

Готов я... Сотни раз благословляю
Назначенную казнь и ухожу
В ужасный мрак подвала, но не буду
Благополучья вашего сообщник!

Наставник

(со скучающим видом).

Счастливая страна, где сам преступник
Так невозбранно смеет насмехаться!
Связать его!

(Два палача привязывают Гульдара к дереву, стоящему
спереди, справа, внутри круга света. Варана остается подле
него).

И вслед за перерывом
Нежданным этим, хочет вам король
Известье радостное сообщить.

Король.

Пусть женщин позовут.

(Три удара гонга. Входит толпа молодых женщин, которые,
еще сдержанные, почти робкие, смешиваются с мужчинами).

Внимай, что я,

Возлюбленный народ, тебе дарую.
Исчезла грань теперь, что разделяла
Мужчин и женщин долго. Сочетайтесь.
Плодитесь... Радостям мы посвящаем
Тринадцать дней, любовников затем
За короля, свободу и страну
Я поведу. Но обещаю, будет

Не долог срок суровый. Возвратитесь
Героями к любимым скоро вы.
Скорей! Спешите! Соразмерьте силы!
Богов посол, я этого хочу!

(Толпа разражается бурными приветственными кликами в
честь короля. Затем юноши хватают девушек и под крики и
смех каждый увлекает прочь свою добычу. Король, при-
дворные, мудрецы медленно покидают сцену через ворота
храма. Вместо света короны снова мерцает ясное звездное
небо, и снова вспыхивают огни площадок. Сцена пуста. Только
Варана стоит нерешительно, смотря на связанного Гуль-
дара, которого—в нескольких шагах—охраняют оба палача.
Издали доносится пылкий шопот беседующих, воркующих,
смеющихся, стонущих от страсти пар. Весь мир кажется
одним огромным брачным ложем).

Гульдар

(прислушиваясь, тоскливо, в то время как Варана напра-
вляется к нему).

Там жизнь кипит, что я освободил.
Меня же в скорбь и склеп она ввергает.
Я смерти обречен, что цепь мою
Трясет и ждет, ждет вечно, день и ночь,—
А мог и я блаженством упиваться,
И каждый час, исполненный восторгов,
Меня бы в беспредельность уносил...
Я был глупцом?

Варана

(прежде чем исчезнуть во мраке, мимоходом тихо гладит его
руку).

Мы будем жить, я знаю!

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Глубокая ночь. Опочивальня короля; на стенах эротические изображения. В глубине роскошное королевское ложе, на подножии которого, в головах, висит конечное кольцо цепи, уходящей в глубину сквозь пол. На мягком возвышении подле кровати лежит несветящаяся корона. Нежный свет фонаря. На столе, слева, золотой сосуд для вина и хрустальная чаша.

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Король, расстроенный, беспокойно ходит взад и вперед, время от времени наливает себе вина и жадно пьет. На ложе прилегла веселая Хельга; она следит взорами за королем.

Хельга.

Я все смеюсь, а ты такой угрюмый!

Король.

Пусть ночь пройдет!

Хельга

(льстиво).

Надень свою корону!

Ты в ней так мил, и мне она идет,
Прекрасней я тогда.

Король.

Пусть ночь пройдет!

(Он надевает корону, она загорается).

Хельга.

Как восхитительно. Теперь ты царствуй!

Король

(во вдохновенной позе).

Я так хочу, и пусть свершится это!
Пусть ночь пройдет! Пусть осветится мрак!
Ночь обезглавить, чтоб, истекши кровью,
Она погибла. Страха моего
Она виновница. Когда во тьме я,
В себя смотрю я, полный духов злых.
Я спать не в силах. Но глаза устало
Сомкнулись наконец, и сны тогда
Ужасные меня сосут, как гады,
Со стен сползают всех, растут, вонзают
Чудовищные когти и клыки
Мне в тело, и в руках колючих, жестких
Меня сжимают. Умираю я
И оживаю вновь, чтоб муки смерти
Вновь живо испытать.

(Кричит).

Я запрещаю,

Чтоб ночь была. Смерть ночи! Я—король—
И я сорву с земли покров тот черный,
Тяжелый камень гробовой, который
Скрывает свет, своей рукой сорву.

и опускает руки перед собой и напрягает их, словно намереваясь поднять чудовищную тяжесть).

Хельга
(испуганная).

Ты ночь бранишь, а только в ней сияет
Твоей короны полный блеск. Довольно
Ты царствовал. Сними венец богов.
Хочу тебя развеселить я пляской.

(Она танцует. Король кладет погасшую корону на место и некоторое время рассеянно следит за танцем. Затем он гневно хлопает в ладоши)

ВТОРАЯ СЦЕНА
(Врывается Наставник).

Король.
Лишь тело юное, что в корчах бьется,
Считая это пляской, знаешь ты.
Неслыханно бесстыдного хочу я!

Наставник
(смеясь).

Девичьей плоти узкий круг соблазнов,
Что не умножить наслажденью, ты
Постиг так быстро, как неспешно мудрость
Усваиваешь. Поступай обратно.
Тогда ни книг, ни женщин ты не бросишь.

Хельга
(плаксиво).

Умею многое...

Король.
Убрать ее!

Наставник.
Дитя, чрезмерно ты юна, прекрасна.
Дух короля испытанного жаждет.
(Наставник уходит с Хельгой).

Король

(слегка шатаясь, направляется в ложу, сжимает кольцо цепи со слабоумною жестокостью).

Другая пляска это!

(Он дергает цепь, удовлетворенно ухмыляясь).

Ты не хочешь!

И все ж пляши, мой брат король. Как странно,
Что он так силен. Кормят слишком много
Его...

(Из глубины доносится ужасное, глухое стенание).

Ты и поешь! Пляши и пой,
Тебя быть королем я обучаю.

(Прислушивается).

Он больше не поет. Так прыгай, прыгай.

(Некоторое время он продолжает забаву, затем вешает кольцо и зевает).

Беспутного чего-нибудь, другого!

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Наставник вводит шесть старых жирных женщин, гротескно-молодо разряженных, которые садятся все рядом на ковер и затягивают тонкими и хриплыми голосами сладенькую любовную песню без слов. Наставник подкрадывается к ним сзади и связывает их косички.

Наставник
(когда они окончили песню).

Брось жемчуга, король, в награду им.
Он на красотах веками послужит
К их прелестям, уползшим далеко.

(Король бросает горсть жемчуга. Женщины хотят с жадностью броситься за драгоценностями. Каждая думает, что другая удерживает ее за волосы. Они бранятся, вырываются, царапаются, колят друг друга до полусмерти; не поймав ни одной жемчужины, разжигаемые улюлюканием Наставника, катаются по полу, топчут одна другую, пока два раба не выгоняют их вон).

Король

(злобно).

И в этом все твое искусство, канцлер.
Разглаживать целебным смехом мне
Забот морщины? Шут придворный, ты
Бездарен. Все ж будь награжден за шутку:
Всех шестерых возьми себе ты в жены.

Наставник

(опускаясь на колени).

Король, помилуй! Верному слуге
Не превратишь ты ложе страсти в чан
С прогорклым салом! Мне противен тухлый
И расплывающийся трупный жир.
Что шесть,—я умер бы и от одной.

Король.

Вот наконец забавное! Мой канцлер
Забыл закон: что я велел, то будет,
И даже сам я отменить приказ
Не смею. Их возьми себе ты в жены!

(Со внезапно проявившейся страстью).

Доставь сейчас же мне в кровать Варану!

(Извне доносится шум громкого спора).

Король

(испуганно).

Кричат? Что от меня им надо?

Наставник

(прислушиваясь).

Голос

Приема требует... А! весть с войны.

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА

Ведающий вооруженными силами, отталкивая в
сторону нескольких телохранителей, входит тяжелою походкой.

Ведающий вооруженными силами.

Я к королю спешу с известьем важным.

Наставник

(про себя).

Врывается он прямо в штаб — любви.

Король

(немилостиво).

Уж длится больше сотни дней твоя
Проклятая война. Ты обещал мне,
Что не позднее, чем завтра, въеду с войском
Я через триумфальные врата.
Корону! — Я хочу решить, размыслив.

(Наставник надевает на него корону, которая загорается).

Ведающий вооруженными силами.

Очищен остров. Ни куста, ни травки,
Ни дерева. Два пса паршивых воют,
Иль три, быть может. Нищий на дороге
Валяется, червями язв питаясь...

Король.

Добыча?

Ведающий вооруженными силами.

Нет числа ей. Нагузили
Мы головами свежими врага
Три корабля сейчас.

Король

(зевая, вливает в себя чашу вина).

Все то же, то же!

Хочу их видеть завтра.

(Бормочет пьяно).

Боги с нами...

Прыжки блохи... И с севера, и с юга

Сине-стальное небо окружает...

Заботы сердца о моем народе...

Я вырос... в славе блещущих мечей...

Кровь брызжет с криком: слава королю!

Да, так кричит она... я слышу ясно...

В ушах жужжанье... славы клики... Все...

Я сокрушу. Сравняю... в жертву Тигру.

Великий предок мой, создавший царство...

(Он шатается, так что корона, погаснув, почти сваливается.

Наставник укрепляет ее, и она снова загорается).

Великий предок... Предок мой...

(Приходя в себя).

Но что я

Хотел сказать? Коль победили мы,

Что ж с триумфальным въездом медлю я?

Ведающий вооруженными силами.

Столица держится, хотя в ней голод.

Король.

Чрезмерно долго.

Ведающий вооруженными силами.

Хлеба нет у них,

И нет плодов, гниет воды остаток,

Скот падает, отравлены колодцы...

Король.

Но люди там! Один ведь может сотню

Насытить. Значит, там избыток мяса.

В столице населения десять тысяч.

Чтоб всех их прокормить, и ста людей,

Пожалуй, много. Вычисли ж, как долго

До дня, когда последний человек

Собой закусит.

(Все более охватываемый манией величия).

Я повелеваю:

К канату остров привязав, ко мне

Его приволоки, чтоб я ногами

Мог растоптать всю мразь; и те куски,

В которых жизнь кипела, я рассею

Далеко в море — этими руками.

Ведающий вооруженными силами.

Последую твоей великой воле.

Наставник.

Но слышно — страны, острова другие

Вооружаются, спеша на помощь

Разбитым; нам не безопасно это.

Король.

Желают, очевидно, боги, чтобы

Мы мощный дух страны распространили

Повсюду, нам на славу и на счастье

Вселенной.

Ведающий вооруженными силами.

Но число врагов...

Король.

Есть средство

И против этого: его умножим...

Наставник.

Выходит за пределы понимания
Ничтожных смертных эта мысль.

Король.

Осел!

Один за всех соображать я должен.
Так слушай. Мы доставим из пустыни
Фаруна прокаженных к берегам
Врагов тайком; пусть, утоляя похоть,
Они там женщин перезаразят.

(Смеясь).

Очаг болезни так врага умножит
И пыл его военный сократит.

Наставник.

Божественная мысль!

Ведающий вооруженными силами.

Война — война:

Твой новый лавр в проказе расцветет!

(Уходит).

Король

(в изнеможении).

Корону снять!

(Наставник исполняет это).

Что нового еще

Дала война?

Наставник

(весело).

Мучений новых много,
Пять новых эпидемий, наконец
Порок один неслыханный, ужасный,
(щелкая языком).
Пьянящий и вонючий, словом — прелесть.

Король

(заинтересованный).

Порок неслыханный? Скажи какой?

Наставник.

Посев одновременно с истреблением:
Берут жену и тут же душат мужа.
Женою обладая, победитель
В ней ужас вызывает видом трупа
Возлюбленного.

Король

(внезапно раздражается гневом).

Приведи Варану!

Наставник.

Поможет случай твой приказ исполнить.
Доносит стража, что девица бродит
Всегда таинственно во тьме ночной
Вокруг дворца и что-то ищет. Вышли
Телохранителей, и ты сейчас же
Получишь дичь полночную.

(Зовет).

Эй, стража!

(Поспешно входят два телохранителя. Наставник шопотом
дает им приказание. Телохранители уходят. Издали, словно
из земли, доносятся глухие стуки и звук пилы).

Король

(прислушиваясь, испуганно).

Пилу, топор я слышу тихой ночью.
Ужасны и враждебны эти звуки.

Наставник.

Победные врата усердно строят.

Король

(дрожа).

Народ — он не клянет меня, что крови
Я столько пролил? Женщины не воют,
Что я мужей лишил их? Переносят
Детей убийство матери? Ко мне
Приходят каждой ночью все, — о мести
Кричат и головы моей хотят.
Нас так немного, им же, им нет счета.

Наставник.

Все жаждут крови вражеской. Врага
Все ненавидят, утоляя этим
Желанье мести. Никогда властитель
Так не бывает чтим, не защищен
Так от народа, как в безумстве бойни,
Во время войн кровавых — но последних.
Любовь народа вкусишь ты сейчас
В соку горячем, сладком...

(Телохранители втаскивают сильно сопротивляющуюся
Варану).

Вот залог

И доказательство любви всеобщей:
Уж косы расплелись... Счастливой ночи!

(Наставник уходит).

ПЯТАЯ СЦЕНА

Король

(удаляя телохранителей повелительным жестом руки).

Привет...

Варана

(неподвижно, выпрямившись, словно вслушиваясь в глубину,
откуда время от времени доносятся глухие удары топора,
молчит).

Король.

...Тебе всегда я благодарен..

(Варана молчит).

Король.

Давно б могла ты быть здесь королевой!..

(Варана молчит).

Король

(изменившись).

Как кошечка влюбленная, ты бродишь
Ночами вокруг дворца. Ее впустил я,
Чтоб видеть, как от ласк она...

(Он направляется к Варане, которая отступает с угрожаю-
щим жестом).

Мурлычет,—

А не щетинится.

Варана.

Дай мне свободу!

Король.

Хочу тебя! Даю тебе свободу, —
Меня желать.

Варана

(презрительно).

Твое желанье—страх.

Тебя страшит, что твой обман я знаю.
И ты велел меня поймать.

Король.

Опасность

Грозит тебе лишь, если все узнают.
Ты грех свершила. Я был соблазнен.

Варана.

Да, я тебя хотела соблазнить
К величью человеческому — тщетно!..
Но грех мой меньше, чем ты полагаешь.
Вопросы я украла, но ответы —
Сама открыла я. Больную душу
Твою мечтала я зачаровать
Высоких мыслей огненною речью.
И вправду ты достиг бы высоты,
Куда обман тебе воздвиг ступени.
Но ты взял только власть, не дух ее.
Души твоей не просветлила мудрость.
Лишь руки, ноги царствуют твои.
И я призналась в слабости постыдной,
Что отвратительное я хотела
Не уничтожить, а перехитрить.

Король

(наблюдает за Вараной с возрастающей страстью. Он жадно
выпивает чашу вина и в пьяном лепете его — тоскливые мольбы,
поднимающиеся из сокровенных глубин его существа).

Я так упал. Тяжелые загадки
Влекут все ниже. Красные, как пламя,
Они гнетут мой дух. И нет покоя

От них. Меня сжигают дни и ночи,
Томят загадки — красоты твоей.
Я с тела твоего срывал покровы...
О ослепленье! Сотни раз дразнили
Соблазны сокровеннейших чудес;
Но в пустоту все тотчас исчезало.
И видел грот я, так темно сиявший,
У входа — черный мягкий мох; то было
Единственное место в мире целом,
Где я себе отчизну обретал.
Я плакал, умолял впустить меня.
Всегда он превращался в твердый камень,
Куда желанье входа не откроет.
Так из себя бывал исторгнут я,
Напряжено все тело в пустоту...
Последнюю загадку разгадай мне!

Варана

(со спокойным презрением).

Загадкой тела моего ты бредишь.
Того же, чем живу — томлюсь, что мыслю —
Крылами не коснулось любопытство.

Король

(с просветляющимся сознанием смиренно молит).

Я жизни жажду — но иной — великой,
Вот почему моей ты быть должна.
Ищу бессмертья в красоте твоей,
И в гордой смелости, и в мудрой силе.
Ты мне подаришь будущее — сына.

Варана.

Своим рождением жизни ты лишен,
По воле собственной ты опозорен.
Презренен плод, что от тебя зачнется, —

Лишь задушив меня сперва, рука
Твоя обнимет. Не боюсь я смерти.
Вкусила я блаженство, что дарит
Нам эта скаредная жизнь: любовь!

(Торжественно, гордо).

Люблю того, кого ты мучишь, кто
Тобой в железо, в ночь и в камень ввергнут.

Король

(внезапно изменившись).

Любовница злодея, короля
Ты в оскверненное не вступишь лоно?

Варана.

Хотела б уличной я быть блудницей,
Чтоб за корону даже отказать
Тебе в той милости.

Король

(снова умоляя, стонет).

Мне эту ночь
Отдай! И будете свободны оба!

Варана.

Свободнейшему дать нельзя свободу.
Ты заковал лишь тело, дух его

(Угрожающе).

Среди народа на свободе бродит,
Зовя народ итти на короля.
И он трясет твоей гремющей цепью.

Король.

Ему очищу трон, коль ты на ложе...

Варана.

Пусть закуют меня с ним вместе, будет
То ложе мягче мне, чем страсть твоя.

Король

(безумно, хрипло визжа).

Пляши!.. нагая!.. Ну!

Варана.

Не время пляскам,—

Война.

Король.

Так на тебе я пропляшу!

(Он бросается на нее, пытается сорвать с нее одежды. Варана наносит ему удар кулаком в лицо, он шатается. Поборов себя, он бежит к короне, надевает ее—она загорается—и неистово кричит, зовя на помощь. Вбегает стража, а затем и Наставник, с заспанными глазами, полуодетый).

Король

(патетично, царственно).

Сосуд богов священный оскорбила
Та женщина. Что ждет ее за это?

Наставник.

Рука, что поднялась на короля,
Огню предается с тем, кто поднял руку.
Костер следы такого злодеянья
Сотрет мгновенно.

Король.

Завтра возведите

Костер, и пусть придет народ мой верный
На праздник огненного искупленья.
Ну, а пока—она во власти вашей!

ШЕСТАЯ СЦЕНА

Пока Варану уволакивают, слышен, на этот раз отчетливо и громко, удар топора.

Король

(вздрагивает, затем торжествующе).

Врата возводят! То удар последний!..
Я утомлен, и даже одному
Мне ложе мило. Страх меня покинул.
Но перед сном я музыкой потешусь.
Пускай попляшет узник под нее.

(Он играет цепью. Пораженный).

Иль я гигант, что так легко руке?..
Спротивленья нет... Не спит он...

(Пробуя).

Все же

Не бодрствует... Не мертв он... и не жив..
Иль дух бесплотный он?..

(С силой дергает цепь, которая подается, так что король падает навзничь, с криком).

Его там нет!

(Корона скатывается на пол и гаснет).

Конец четвертого действия.

МЕЖДУАКТНАЯ ПАНТОМИМА ¹⁾

По окончании четвертого действия театр остается в темноте. За закрытым занавесом начинает звучать старая музыка рококо. Занавес снова открывается и обнаруживает перенесенный план сцены, видимый сзади. В глубине—пустой зри-

¹⁾ Театры, в которых по техническим условиям неосуществима быстрая перемена между актами, могут в виде допустимой замены показать пантомиму кинематографически.

К. Э.

тельный зал, отражение существующего в действительности (То, что сцена видна сзади, не должно бросаться в глаза, должно быть едва намечено технически). Сцена слабо освещена, зрительный зал погружен в сумрак, так что можно различать формы и цвета.

На сцене стоит—все действующие лица пантомимы обращены лицами к настоящей публике, не к отражению—король, фигура рококо, и небрежно-важно хлопает в ладоши, выражая одобрение танцовщице, только что окончившей свой танец.

Король сочиняет музыку. Он насвистывает какой-нибудь пошлый и бессмысленный мотив. Капельмейстер (державший скрипку) кивает головой. Он понял и наигрывает на скрипке изящный танец-рококо, в котором насвистываемый мотив появляется в карикатурном виде. Затем капельмейстер повторяет музыку со своим маленьким оркестром (несколько человек), а танцовщица кокетливо двигается под нее. Король выражает неудовольствие: актриса делает неверное па. Король сам показывает ей и неуклюже танцует. Восторженные овации капельмейстера, который начинает играть с оркестром национальный гимн (старый русский царский гимн).

Между тем партер и ярусы отраженного зрительного зала неслышно наполнились темными фигурами, современными рабочими в грязных рабочих одеждах. После того как они наполнили помещение и заняли места, они тотчас снова поднимаются и бесшумно, молча скользят вперед к сцене, взбираются на нее, так что фигуры на сцене (которые к своим зрителям стоят спиной) не замечают этого.

Внезапно предводитель хватается за шиворот короля, окоченевшего от страха. Танцовщица вскрикивает, хочет бежать, но, опомнившись, элегантно повисает на шее самого привлекательного по внешности рабочего.

Капельмейстер, быстро спохватившись, переходит с царского гимна непосредственно на славянский революционный марш.

Король, которого кулак рабочего держит за шиворот, автоматически двигает ногами под этот марш.

Раздается глухой насмешливый хохот толпы.

Занавес закрывается, чтобы тотчас же раскрыться для пятого действия.

Конец междуактной пантомимы.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

На берегу моря. Пасмурный, почти темный день. Низко свисают тяжелые черные облака... На переднем плане, слева, костер: вокруг высокого столба на двух третях его высоты, в нескольких метрах над землей, возвышается помост, на который ведут ступени. Пространство до земли заполнено поленьями и связками соломы. На переднем плане справа разукрашенная триумфальная арка, сквозь которую видна пестрая улица города. В середине, справа, выравненная площадь с каменным треном, за ним возвышается каменный, ярко раскрашенный идол—Тигр.

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Сквозь триумфальную арку входят заговорщики во главе с Гульдаром. У Гульдара коротко остриженные, совершенно поседевшие волосы. Его бледное, изнеможенное лицо покрыто морщинами; юноша, в одну ночь ставший стариком. Заговорщики—юноши, еще не достигшие призывного возраста, мужчины, вышедшие из этого возраста, молодые женщины. Они полны сдерживаемого страстного воодушевления.

Старец.

Мы первые. Расчитывай на нас.
Иди, мой дом тебя укроет, чтобы
Ты в руки не попался им. Пылает
Огонь святого дела в нас. Пред смертью
Свидетелем великого я буду!

Стройный, прекрасный юноша.

Я раб того Великого, что видеть
И мне в начале жизни суждено!

Гульдар.

Лишь оба вы единственными были,
Кто мне давно поверил. Храбро вы
Друзей, помощников мне вербовали,
Когда бессильно я в цепях томился.

Старец.

Из дома в дом нас мысль твоя вела,
Нам запертые двери отпирала.
Ты сам себя и нас освободил.
Прошли сомненья, разочарованья,
Теперь нам мощь деянья расцвела.
Теперь мы верными окружены, и жаждут
Они великое осуществить.

Гульдар.

Пусть лишь один спасет благое семя
От непогод, и даст оно ростки.

Старец.

И чистый свет всех радостью наполнит!

Гульдар.

Несчастливы люди, что не постигают,
В чем величайшее земное счастье.
Свободное деянье совершать,—
И если даже гибель... Вы готовы

И к торжеству врагов, и к пораженью,
Чтоб в горестном расстройстве чувств потом
Себя в паденьи не клеймить глупцами?

Старец.

Теперь, когда людей без счета косит
Убийство ради глупости, безумства —
Найдется ль трус, кто смерти побоится,
Враг счастья своего, кто смерть не станет
Искать во имя благой цели?

Юноша

(в пламенном буйстве).

Я жажду силу испытать свою:
Страшусь, чтоб не рассеялось, как призрак,
Как сон, обещанное мне дерзанье.
Скорей пришел бы час победы нашей!

Гульдар

(покидая сцену омраченный, тихо).

Победа! Да, мы победим! Бесстыдно
Все к нам примкнут, вслед за победой нашей,
Трусливый сброд колеблющийся тоже,—
Всегда он с сильным, с тем, кто победил;
Кичится делом, требует награды,
Как раньше помогал вчерашней власти
И вестников грядущего травил...
О, пусть скорей минует час победы!

(В то время, как заговорщики спокойно рассеиваются, из города доносятся вперемежку дикие звоны, треск, грохот, дребезжание, шум и визг колоколов, труб, свистков, барабанов, гонгов, глашатаев. Народ стекается со всех сторон. Усмирители народа водворяют порядок при помощи ядовитых змей, расчищая проход и место для двора).

ВТОРАЯ СЦЕНА

Король, приветствуемый кликами толпы, входит с Наставником, несущим на подушке корону, сквозь триумфальную арку, за ним Верховный мудрец, Совет шести мудрецов, свита.

Король

(оживленно беседуя).

Нас поведет дорогой этой скоро
Победный мир. Война мне надоела.

Наставник.

Но учит новому всегда она.
К примеру: выпотрошенные люди
Свое нутро узнать прекрасно могут;
И потрохами, что обычно скрыты
В закупоренном чреве и не видны,
Они, как украшеньем редким, могут
На свежем воздухе обвешать тело.

Король

(смеясь).

А ты себя узнать хотел бы, друг?

Наставник.

Я скромн, и с меня вполне довольно
Других дивиться самосозерцанью.
К тому ж я к мирным торжествам по горло
Делами занят: на портрет твой лучший
В победном пурпуре устроить конкурс.
Должны все живописцы государства
Участвовать, и кто не будет первым,
Того костяк мы в уголь превратим.
А так как очевидно, что один лишь
Быть первым может, это состязанье
Проучит очень многих. Наконец,

Коль все тебе наскучило, народу
Отдай приказ, чтоб высотой до неба
Он усыпальницу тебе построил.

Король

(отклоняя).

Не найден скрывшийся злодей, плясавший
По знаку царских рук моих? Досадно!
Его сперва изжарить можно было б,
Чтоб, из любовника отведав блюдо,
Узнала женщина, что ждет ее.

Наставник.

Да, царское твое великодушие
Могло бы кротко показать при этом
Прекрасной человечности пример:
Сварить их можно было вместе, словно
В одном горшке два сорта мяса. Это
Им утешеньем было б, нам—новинкой.

(Король всходит на трон. Наставник возлагает на него вспыхивающую при этом корону. Варану подводят к костру; впереди нее два палача с горящими факелами, и по палачу с каждой стороны ее. Один из последних поднимается впереди нее по лестнице на помост, другой — сзади нее. Ее привязывают к столбу: голову ее—волосами, ноги—веревками. Ее тело туго затянуто в доску грубого синего полотна, руки и ноги обнажены. Она стоит на помосте одна).

Король.

Победа нам назначена богами.
Мир вынужденный примет скоро враг,
Замысливший страны опустошенье.
Сильней, обширней выйдет наше царство
Из этих дней тяжелых испытаний.
Всем этим я обязан лишь народу
И доблестным героям. Слава им!

(Восторженные клики народа).

Народ свой верный я созвал сегодня
На суд тяжелый. Злодеяньем низким
Грядущий праздник мира омрачен;
Глубоко потрясенный, полный скорби,
Храня закон, хочу я права мести.
В чем преступленье, канцлер, объяви!

Наставник.

Дочь Мудреца Верховного, Варана,
Рукою дерзкой нанесла удар
В священный лик Агаба, короля,
Кто ей дарил лишь милости и счастье;
Кошунственно замыслив возмущенье,
Лик короля Варана оскорбила.

(Крики ужаса народа).

И за неслыханное преступленье
Я требую достойной кары: смерти.
Виновная должна быть сожжена.
Что скажут мудрецы о приговоре?

Верховный мудрец.

Пусть это дочь моя,—суровой каре
Она подвергнется, когда виновна.
Король сказал, так значит верно все.
Но есть закон: злодей сознаться должен.
О дочь, сними с меня клеймо позора,
Скажи, что лишь слепое заблужденье
Смутило всех...

(Варана молчит).

Верховный мудрец

(настойчиво).

О дочь! Твоя рука
Святыню оскорбила? Защищайся!
Отец твой говорит, я, твой судья!

(Варана молчит).

Верховный мудрец.

Скажи! Молчанье есть вины признание!

(Варана молчит).

Верховный мудрец.

Так я рожденья узы порываю;
Я отрицаю день, когда явилась
Она на свет; она не дочь мне больше,
И этот край ей больше не отчизна.
Пусть нерожденная, что есть, тем станет:
Ничем, и в бесконечное вернется.

Совет шести мудрецов
(бормочет).

Мы откровения закон храним.

Король.

Окончен суд. Пусть приговор свершится!..
Разгладь, мой паж, мне на челе морщины,—
Их вызывает ужаса всевластье,—
И вытри королевскую слезу.

(Юный паж ласкает его).

Скорбит глубоко сердце.

(Нежно пажу).

Так—мне легче.

Пусть вестник смерти приговор объявит.

Вестник смерти.

Ты от огня, Варана, примешь смерть!

(Начав умеренным голосом, он с мощным crescendo произносит приговор семь раз, седьмой раз с изменением).

Зажечь огонь, и стань огнем, Варана!

(Пока палачи оканчивают у костра последние приготовления, а толпа замерла в напряженном безмолвии, Варана начинает шептать—словно про себя и себе).

Варана.

Пламя, нежно ты очисти
Тело бедное, земными
Оскверненное страстями!
Пламя, ты сними любовно
С духа тесные оковы
Горестной, греховой плоти!
Пламя, милостиво очи
Ослепи ты мне, чтоб слезы
Мук моих не выдавали!
Пламя, ты сомкни мне грозно
Губы бледные, чтоб жалоб
На судьбу с них не срывалось...

.....
Словно нежный пух младенца,
Было дней моих начало.
Потемнеют кудри, все же
На концах, что пышно вьются,—
Утра золото—сверкает
Светлый след святого детства.
Ах, след жизни золотой я
Никогда рукой счастливой
Гладить ласково не буду...

.....
Пощади меня, о пламя!
Узы смерти развяжи мне,
Преврати их гневно в пепел!
Там меня ждет смех младенца,
Пальцы маленькие жадно
Ищут грудь мою, играя...
Жить должна я! Ожидает
Там любовь меня, и радость,
И свобода новой жизни...

В пепел преврати безумство,
Власть шутов и страсть к обманам;
Из земли всю ложь ты выжги,
Что цветенье жизни душит.
Палачам пошли ты гибель!
Радостную просветленность
В душах всех людей разлей ты!..

Горе! В дереве бездушном,
Что от искры ярко вспыхнет,
Власть судьбы моей таится!
Неужели жизнь земная
Лишь бессмыслица, нелепость,
Беспощадная насмешка,
Чьей-то воли злая прихоть?..

Призрак ужаса кончины.
Прочь! Тебя, о жизнь святая,
Умирая, буду славить
Чудеса твои, восторги...

(Резко обрывая).

Пламя—яростный разбойник!..

(Палачи всовывают горящие факелы в костер; показываются языки огня. В это мгновение внезапно появившиеся заговорщики во главе с Гульдаром яростно устремляются к месту суда. Они опрокидывают палачей. Гульдар быстро взбегаёт по лестнице, развязывает узы, уносит на руках Варану с помоста и исчезает с ней).

Король

(кричит в неистовстве).

Догнать! Поймать! Ко мне ее тащите!

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

Заговорщики устремляются теперь к трону. Народ беспомощно наблюдает происходящее. Часть толпы делает вид, что присоединяется к восставшим.

Женский голос из толпы.

Король, мужей нам наших возврати!

Несколько голосов.

Мы больше не хотим войны! Дай мир нам!

Наставник

(в тайном страхе, внешне преодоленном).

Нас ожидает многославный мир.
Ужель в последний час героев наших
Труд исполинский будет прерван распрей?
Поможем мы врагу, свое единство
Разбив. Так, мира требуя, вы только
Войну продлите.

Голос.

Мира хочет враг!

Другой голос.

Вы—вот наш враг!

Многие голоса.

Тащите их в огонь!

Наставник

(патетично).

Мы все желаем золотого мира:
Нам всем убийство тягостно, однако
Те, кто на нас напал и кто так дерзко
Опустошительный морской прилив
Гнал против нас...

(Смех в толпе).

Голос.

Но враг обезоружен,
Он перебит, и заперт, и бессилен,
Однако и приливы, и отливы,
Как прежде, чередуются. Кто верит,
Что неприятель морем управлял?
Войны хотели вы и глупой сказкой
Дурачили доверчивый народ.

Наставник.

Зачем доказанное повторять?
Богам и людям истина известна
Незыблемая, что коварный враг,
Покоя нас всегда лишая, море
То гнал на берег наш, то угонял.
Миролюбивые, должны мы были,
Нужде суровой подчинясь, оружием
Существование защитить свое.
Вот правда. Несогласен с ней лишь тот,
Кто королю, народу изменяет.
Не позволяйте, чтоб враждебной ложью
Ваш разум омрачали. Верьте нам,
На краткий срок терпенье сохраните,
И я клянусь...

(Беспокойство в толпе растет. Гульдар протискивается
сквозь толпу к ступеням трона. Придворные осыпают его
руганью, грозят ему кулаками, но не решаются его тронуть.
Гульдар со спокойным презрением наблюдает картину воз-
мущения придворных. Хоро-ритмические крики толпы настой-
чиво повторяются).

Толпа.

Пусть говорит Гульдар!

Наставник.

И я клянусь...

Толпа.

Пусть говорит Гульдар!

(Крики усиливаются так бурно, что голос Наставника
тонет в них, и его речь обрывается).

Король

(визжит).

Один лишь говорит здесь—я—король!

Толпа.

Пусть говорит Гульдар!

(Возбуждение толпы растет и становится все более угро-
жающим. Усмирители народа тщетно пытаются оттеснить
народ при помощи ядовитых змей).

Усмирители народа.

Назад! Назад! Назад! Вам смерть грозит!

(Толпа смеется и хватает змей).

Мальчик.

Зубов-то нет у них, они ручные!

Молодая беременная женщина.

Дай мне, игрушка будет для ребенка,
Когда рожу.

Толпа.

Пусть говорит Гульдар!

(Король продолжает все время кричать и жестикулировать,
но ему не удается заставить толпу слушать его. Наконец
Наставник энергичными движениями водворяет спокой-
ствие).

Наставник.

Нам нечего скрывать, и мы охотно
Вас слушаем. Говори, Гульдар!

(Король намерен возражать, но успокаивается, вняв убедительным жестам Наставника. Как только Гульдар начинает говорить, вокруг воцаряется мертвая тишина).

Гульдар.

Грядущее зовет. Час правды пробил.
Восстали боги, и повержен идол.
Мы не слыхали шопота вокруг—
Ты криком власти дух наш оглушал.
Но вот проснувшейся свободы тайной
Раздался голос; мощно разрастались
Повсюду отклики его, и небо,
И землю он наполнил новым звуком;
И даже из глубин та весть несется.
Я весь наполнен пением вселенной,
И в ухо закоснелое твое
Слова я молодые должен бросить.—
Кто право дал тебе судить людей,
Которые права имеют сами?
Кем власть дана тебе повелевать
Тем, что не сам ты создал? Ты—владыка
Лишь своего труда. Царить ты мог бы
В пределах тесных только своего
Ума и рук своих, как все другие.
Кто смерть, природы царствующей дело,
Мог воле подчинить твоей? Ведь смерть,
Что не природой послана,—убийство.
Кто убивать людей тебе позволил?
Не создал ничего, а—разрушаешь.
Кто не творил, тот не имеет прав.
Виновным ты объявлен мной и должен
Украденное право возвратить!

Король

(давая выход безумному страху и бреду сладострастной жестокости, мании величия).

Восстанье против короля? Отлично,
С корнями вас я уничтожу всех!
Пусть по семи их крепко свяжут вместе,
Их руки, ноги, головы, тела
Скрутив в одно, чтоб были предо мною
Подобны мумиям семиголовым.
На этом месте, проклятом навеки
За вашу мерзость, связанных расставят
Вас по семи, рассеют, словно копны
Пшеницы сжатой, на поле пустом.
Сюда никто приблизиться не смеет,
Чтоб им питье и пищу принести:
Близ мест, что прокляты, всегда ведь бродит
Бог-Тигр, и растерзает он того,
Кто подойти решится. Я же буду
Сидеть на этом троне, я—один,
И буду ждать, как броситесь вы все
На одного меня. Хочу я видеть,
Как в ярости истлеете вы. Слышать
Хочу я ненависти крик последний,
Последний хрип. Я наблюдать хочу
Старания от мертвых оторваться
Тех, кто живучее, и то, как будут
Одновременно с этим жадно грызть
Они голодными зубами трупы.
Хочу я видеть, как умрет восстанье,
В гниении мяса нюхать запах бунта.
Когда ж придет покой и будет только
Стоять над вами святотатства смрад,
Тогда бог-Тигр, мой верный сторож, прыгнет
Ко мне, у ног, как собачонка, ляжет

И будет нежно руки мне лизать,
Уставшие неоцененно править.
Венчанному богами сами боги
Должны служить покорно, как рабы:
Я царствую и над богами—я...

(Корона внезапно гаснет. Робкий ропот толпы разрастается
постепенно в возмущение).

Один из заговорщиков.

Смотри, богов корона — словно лампа,
Что гаснет, если выгорит все масло.

Женские голоса.

Верни нам, самозванец, кровь мужей,
Что, угнанные на войну, погибли!

(Народ тесным кольцом окружает трон).

Наставник

(тихо).

Забыл я вновь ее наполнить маслом.

(Он спасается бегством; за ним остальные придворные).

Верховный мудрец.

Вся мудрость...

Совет шести мудрецов.

Откровения закон...

Верховный мудрец.

Мир исчезает... все ничто... ничто...

(Они безжизненно понижают, как отыгравшие марионет ки

Король

(бледный, дрожа, срывает корону, которая скатывается по
ступеням, и беспомощно бормочет).

Погасла сила... власть... кто говорил здесь?
Не я... нет, а во мне... о, не вините
Меня за то, что тот король болтал...
Я не был вашим королем... обман
Вопросы мне помог узнать до срока
И дал ответы...

(Верховный мудрец и Совет шести мудрецов пы-
таются выпрямиться, но тотчас же понижают снова).

Ведь мой слабый ум
Не отгадал бы сам загадок этих.

(Плаксиво).

Простите... Я не знал... несчастный я...

(Он сходит с трона. Гневные крики толпы).

Женские голоса.

Верни нам, самозванец, кровь мужей
И сыновей! Убийца! Самозванец!

Радостные голоса.

Ура, Гульдар — король наш настоящий!

Дикий голос.

Надеть на самозванца цепь Гульдара!

Гульдар

(удрученный, нерешительно, оставаясь у подножия трона).
Коль вы хотите наказать его, —
Оставьте королем, прикуйте к трону,
Заставьте царствовать его всегда,
Пред всем народом днем и ночью править.
Будь воскресеньем, искупленьем казнь, —
Ему бы подобало быть казненным.

Но мертвых к жизни никакая пытка
Вернуть не может. Кто же смеет быть
Его судьей? Не вы ли? Что трусливо
Его сообщниками были, что
Рабами были, что всего виновней?!...
Нет, старых мук не надо воскрешать!
Его оставьте, пусть уходит с миром!

Хельга

(поспешно протискивается навстречу Королю и тянет его
за руку прочь).

Пойдем, мой маленький Агаб. Мы будем
Пчел разводить и коз доить, а если
Так пожелают боги, может быть,
Обзаведемся мы ягнятком стадом,
И выкормлю я молоком своим
Тех крикунов—потомство короля.

Агаб

(испуганный).

Коль подражать барану-королю
Ягнята будут в играх—я убью их.
(Оба исчезают поспешно).

Толпа.

Наш истинный король — Гульдар, ура!

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА

Беременная женщина

(кричит).

О горе! Прокляты в утробах дети,
Зачатые в объятьях богохульных!
Ведь самозванец сводником был нашим!

Женщины (сетуя, все разом).

О горе! Матери с проклятьем в лоне!

Одна из женщин (в экстатическом прозрении).

О горе! В нас чудовища растут,
Как жабы, в пятнах, с головами шуки,
А вместо глаз горох зеленый, гнойный,
Слепой, сочащийся густою слизью.
В открытых черепах—кисель кровавый.
Волос нет—иглы. Не покрыты кожей
Тела их. Ничего они не слышат
И немые. С губ, отвисших, как мехи
Пустые, жидкость мерзкая течет.
Они не женщины и не мужчины.
Они с животным помесь человека,
Как будто со зверьми мы сочетались.
Живое тленье нам тела раздуло,—
Плод нерожденный воет—боль и ярость
Нам искажают лица. Умереть
Должны мы прежде, чем родится грех.
Себя задушим сами!.. Горе, горе!

Крики женщин.

Убейте нас—мы матери чудовищ!

Варана

(спокойно идет к обезумевшим, со своим ребенком на руках).
Безумство новое бичует вас?
Вот вам мое дитя—оно прекрасно,
Оно смеется. Я свое дитя,
Дитя смеющееся, зачала

Стократ преступней, мощною любовью
Поправ закон. Безумные, смотрите,
Вот вам дитя

(Она держит в вытянутых руках ребенка, которого слабо освещает солнечное мерцание, проглянувшее в кратковременный прорыв облаков).

преступное мое!

Носители любви—и ваши дети
Прекрасными, здоровыми родятся!

Молодые женщины.

Дитя зачатое, когда закон
То запрещал, и все ж оно прекрасно?!
Я верю в сладость моего плода,
Блаженно чрево! Все теперь мы верим!

Крики женщин.

Сестра Варана, все рождать мы будем,
Твое дитя запечатлевши в сердце.

Толпа.

Ура, Гульдар!

Гульдар

(медленно, колеблясь, поднимается по ступенькам, небрежно играя поднятой короной, сверху).

То был последний страх.

ПЯТАЯ СЦЕНА

Наставник

(врывается запыхавшись, скачками вбегает по ступеням трона, тихо Гульдару).

Возьми вот этот сок одной травы,
И напитай им ободок короны,

Чтоб на тебе она светилась так,
Как требует того народ от бога.

(Он слезает и говорит громко, стоя на коленях, низко склонив голову на ступени).

Могущественный, милостивый, мудрый,
Повелевай страной. Народной волей,
А значит и богов решением, старый
Воздвигнут трон на основании новом,—
Сам на чело корону возложи!

Гульдар.

Успеется, еще размыслить надо.
Даритель чуда, будь его носитель!

(Он выливает эликсир, содержащийся в пузырьке, на зад Наставника. Жирные округлости засвечиваются, и пластически обнаруживается их чудовищная величина — на Наставнике надеты узко облегающие его штаны. Народ в изумлении смотрит на грубое чудо, затем сообразив в чем дело, раздражается мощным хохотом, доходящим до неистовства. Наставник сперва не понимает, что произошло. Наконец он открывает причину хохота, вскакивает и пускается наутек, спотыкаясь и тщетно стараясь закрыть растопыренными пальцами сияние на своем заду. В хохот врзается оглушительный удар грома. Наступает черная ночь).

Крики толпы.

Земля дрожит!

(Все беспомощно бросаются бежать куда попало).

Вестник

(вбегая).

Земля разверзлась! Бездна

Храм, мумию и Тигра поглотила!

(Большими шагами, одеревенело, словно на ходулях, мумия войны шествует по берегу моря, тотчас останавливается и снова, впад в оцепенение, направляет лук. С воем раздражается ураган. Победный лук падает. Вздывается гороподобная волна, поглощает неподвижную мумию войны и, разрастаясь, катится вперед на тесно столпившийся народ).

Толпа

(в панике).

Бог-Тигр! Смотрите! Как раздуто чрево
Волнами! Он плывет, сейчас он прыгнет!

(Толпа все теснее прижимается к трону, цепляется за него,
поднимается по ступенькам).

Первый голос.

Гульдар, спаси!

Гульдар

(глубоко серьезно, спокойно).

Я не могу спасти!

Второй голос.

То гнев богов—над ними ты смеялся!

Гульдар

(твердо).

Обман открыл я.

Третий голос.

Боги не желают,
Чтоб люди знали тайну власти их.

Гульдар.

Я пролил правды свет на зло людское.

Четвертый голос.

Ведь правда—грех!

Гульдар.

Я ей одной служу:

По правде лишь творить, искать лишь правду
И познавать!

Пятый голос.

Чтоб нас всех уничтожить!

Гульдар

(мощным голосом, торжественно).

Коль правда хочет!

(Спокойнее).

Но еще при нас

В волнах пусть гибнет этот знак безумства.

(Он швыряет корону в волну. Волны ее поглощают и отступают назад. Буря стихает. Море успокаивается. Облака рассеиваются).

Толпа

(радостно крича).

Гульдар, король всех королей, спаситель!

Владыка наш он и звезда навеки!

(Во время заключительной речи Гульдара небо разъясняется
и сияет лучезарно).

Гульдар

(просто, твердо, но глубоко взволнованный и с достоинством).

Я вами был травим и презираем,

Побит камнями был—и коронован!

А я все тем же неизменно был.

Я не люблю вас, оттого не в силах

Я вами править. Вас не уважаю

И быть звездой вашей не могу.

Люблю я страстно то, что так далеко

От этих дней и от таких людей.

То, чем вы станете, я уважаю

И я готов вам помогать, когда

К великим вы деяньям устремитесь.

Потребуйте, и смерть готов принять я

Затем, чтоб истинно вы стали жить,

Я вам себя, свой труд отдам охотно,
Но видеть вас, вам верить—не хочу.
Вас презирая, верность сохраняю вам,
Но вашей участью распоряжаться
Я не могу, не требуйте того.
Я не могу жить в мире, где не каждый
Живет; народом править, где не каждый
Владыка равный. Во главе людей
Нет места ни вождям, ни властелинам.
Одни рабы с сознанием оглушенным
Покорны идолу, его боятся
И бьют. И камни грубые свои
Зовут царями. Будет тот народ
Лишь членом человечества, где каждый—
Король и по законам зрелым духа
Судьбу вершает силою свободы;
Где искра каждая, что тяготой
Блаженной страсти вырвана из лона
Природы недоступной, бытия
Лучом становится, вещей душою;
Где дух и время за руки взялись
Для окрыленной пляски; где порыв
Мышленья молодого бурно сбросит
Отжившие все заблужденья в пропасть
И пронесется через каждый мозг
Единым ураганом, созидая
И всех людей в одно соединяя.—
Нас испытуют боги, говорят нам!
Но это испытание богов
Для них самих же стало испытаньем,
Они его не выдержали, ибо
Все боги—только шутка человека.
Но в наших душах боги есть. Пред ними
Склоняемся мы, если чисто их,
Как чудо мудрое, себе создали,

Как провозвестников тех слов святых,
Чем некогда мы станем и куда мы
К свободе в беспредельное идем.
Таким богам смиренно воздвигайте
В себе алтарь и поклоняйтесь им.—
Вы поняли: запрет любить—насмешка,
Насмешка также ставить в связь зачатъё
С мозгами королей и с богом-Тигром.
Но если только шутка, что рожденье
От воли одного зависеть может,
То сколь безумней одному вручить
Права и власть распоряжаться смертью!
Ведь первый лишь зацствие мешает жизни,
Второй же в жизнь вторгается, и душит,
И мучает живое, отравляет
В первоисточнике все бытие.—
Коль вы теперь запретную любовь
Считаете лишь шуткой скомороха
И сказкой, некогда пугавшей вас,—
Фарс мировой уничтоженья тоже
Плод шутовства, хоть верите в него вы,
Затем, что вы еще в плену обмана,
И плачете затем, что фарс кровавый...
Ничто—насилие, тень—победа. Слава
Войны исчезнет, жертв проклятья вечны.
Победный клич застрянет в хриплых глотках,
В них для него дыханье пресечется.
Границы меж народами—ошибка.
На сотни миль свою страну расширьте,
Иль пусть ее на части расщепят—
Игра пустая, для которой стыдно
Пролить хоть каплю крови, растоптать
Хоть б одну былинку!—Так начнись же,
Служенье новым божествам отныне:
Вы заключите мир! Чтоб искупить

Вину тяжелую—вы допускали
Других злодейства—вы восстановите
Страну, которую опустошили.
На пестро разукрашенных судах
Союз восстановите меж врагами!..
А ты, Варана, ты за мной последуй
К недостижимым высям и сердца
Неси как красный факел, освещая
Путь темный сокровеннейших богов!

(В то время как Гульдар и Варана медленно покидают сцену и потрясенный народ тихо расходится, из успокоившегося моря в ярком солнечном блеске поднимаются мистически просветленные, обнаженные дети, женщины, мужчины. Увенчанные венками из цветов, они ведут на берегу торжественно-радостный, туманно-мерцающий хоровод—духи будущего).

К о н е ц

Перевели с немецкого

С. С. Заяицкий и В. Э. Морич

